

Министерство культуры Свердловской области

КОЛЕСО

Альманах Центра традиционной народной культуры Среднего Урала

№ 18 / 2020

Содержание

СОБЫТИЯ

Радости «Урала мастерового» **Е. Артюшкина** 2

ВЫСТАВКИ, ФЕСТИВАЛИ

Джинсовая история России **Т. Николаева** 24

«Потомки Данилы мастера» **О. Толстоброва** 37

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Великая Отечественная война
в судьбе семьи Егоровых **С. Лычагов** 5

Чтобы помнили... **Н. Вольвач** 8

КУЛЬТУРА УРАЛА

Кулачные бои в Тюмени
в конце XIX века **Е. Киселёв** 10

Традиции мужской состязательности
в культуре русских **В. Печняк** 12

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

«Мы этим не занимаемся,
мы этим живём...» **А. Волкова** 34

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЁСЛА

Искусство печати на ткани **Е. Манерова** 29

НАРОДЫ УРАЛА

Обско-угорская игра «Бери и помни»
как отголосок древнего обычая предсказания
и жеребьёвки **Т. Волдина** 18

Календарно-обрядовые
праздники удмуртов **М. Ягуткина** 46

ИСТОРИЯ УРАЛА

Прокофий Демидов:
знакомый незнакомец **А. Карфидов** 22

ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Традиционная вышивка в технике «тамбур» крючком
у татар Свердловской области **С. Кучевасова** 15

АРХИВНЫЕ СТРАНИЦЫ

О кустарной промышленности **Н. Смородинцов** 41

НАШИ ИЗДАНИЯ

Альбом-каталог
«Народное искусство Урала» **С. Кучевасова** 45

Министерство культуры
Свердловской области

ЦЕНТР ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО УРАЛА

Научно-популярный
иллюстрированный альманах о традиционной культуре
народов Урала

КОЛЕСО

№ 18

2020

обычаи обряды традиции
ремёсла
фольклор

Главный редактор
Светлана Кучевасова

Ответственный за выпуск
Виктория Новопашина

Фотосъёмка
Светлана Бармина
Сергей Баталов
Евгений Волоковых
Наталья Вольвач
Алексей Карфидов
Вячеслав Кулаков
Светлана Кучевасова
Игорь Ляпустин
Елизавета Манерова
Наталия Ролина
Наталья Саврас
Ольга Толстоброва
Дмитрий Успенский

Дизайн и вёрстка
Лариса Левицкая

www.uraltradicia.ru

Отпечатано в типографии Альфа Принт
Екатеринбург, пер. Автоматики, 2Ж
Тираж 300 экз.
Заказ

В оформлении обложки использовано фотоизображение
образца домотканой набойки.
Конец XIX – начало XX века. Архангельская область.
Из фонда материальной культуры Центра традиционной
народной культуры Среднего Урала.

Радости «Урала мастерового»

Елена Артюшкина

Елена Ивановна Артюшкина, заведующая отделом народных художественных промыслов и ремёсел ОГБУК «Челябинский государственный центр народного творчества», Челябинск.

2–4 октября 2020 года в Челябинске состоялся VII Всероссийский конкурс традиционных ремёсел и народных художественных промыслов «Урал мастеровой». Этому событию и посвящается материал организатора конкурса, члена жюри Е. А. Артюшкиной.

Фото Игоря Ляпустина.

Конкурсы для мастеров в режиме реального времени стали очень востребованы и проводятся с целью популяризации и продвижения традиционных ремёсел и народных художественных промыслов, повышения интереса общественности к деятельности мастеров в регионах.

Их можно подразделить на профессиональные и творческие. Ярким примером конкурса профессионального мастерства служит конкурс УРФО «Славим человека труда!». В этом году он состоялся 27 августа в Екатеринбурге. На площадке культурно-выставочного комплекса «Синара Центр», мастера соревновались в следующих номинациях: «Художественная обработка дерева (резьба по дереву)», «Художественная обработка дерева (обработка бересты)», «Роспись по дереву», «Роспись по металлу», «Художественная обработка металла (кузнечное дело)». Данный конкурс направлен на демонстрацию профессионального мастерства и дальнейшее его совершенствование. Особенности профессионального конкурса: строгие критерии проведения конкурса, организаторы заранее устанавливают технический регламент для каждой номинации, в котором определяют выполнение конкретного изделия.

Другой формат проведения носят творческие конкурсы. В России конкурсное движение такого формата стало интенсивно развиваться с 2001 года, с проекта «Русь мастеровая», автором которого стала Юлия Борисовна Иванова. На Урале творческие конкурсы в режиме реального времени начали проходить с 2008 года, с проведением первого конкурса традиционных ремёсел и народных художественных промыслов «Урал мастеровой». 2–4 октября 2020 года в Челябинске состоялся VII Всероссийский конкурс традиционных ремёсел и народных художественных промыслов «Урал мастеровой». Традиционно, один раз в два года осенью собираются мастера России на уральской земле, померяться мастерством в открытом соревновании. На протяжении нескольких лет он приобрёл популярность у мастеров, организаторам конкурса, Челябинскому государственному центру народного творчества удаётся создать для мастеров и зрителей праздничную атмосферу созидательного труда.

Каждый раз конкурс проходит на разных выставочных площадках города Челябинска, на этот раз он состоялся в конференц-зале «Изумрудный» конгресс-холла «Малахит». Праздничный зал принял более 60 мастеров из Ханты-Мансийского автономного округа и Пермского края, из Омской, Кировской, Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей.

В конкурсе 2020 года мастера соревновались в десяти номинациях: ручная вышивка, текстильная кукла, лоскутное шитьё, ручное ткачество на горизонтальном стане, кружевоплетение, художественная обработка бересты, роспись по металлу и дереву, плетение из лозы, резьба по дереву, гончарство.

Тема конкурса объявляется конкурсантам накануне, вечером перед конкурсным днём. Перед членами жюри стоит не простая задача – выбрать тему, которая была бы и интересна мастеру, и смогла бы раскрыть его творческий потенциал. Из десяти предложенных тем члены жюри единогласно выбрали одну – «Моя Радость».

Бессонная ночь в поисках путей художественных средств воплощения темы в материале и напряжённая работа в конкурсный день выливается в достойный результат – уникальные авторские изделия.

В 2020 году Гран-при за работу «Моя радость» получила Ирина Захарова из Миасса Челябинской области. Мастеру росписи по дереву радость доставляет сам творческий процесс, перед работой она, вдохновляясь окружающим миром и воплощая его в цветы, ягоды, завитки, получает радость от творчества и делится ею со зрителями.

Галерея конкурсных работ мастеров «Урала мастерового» убеждает, что жизнь человека состоит из маленьких, но очень важных радостей. Анна Николаева из Златоуста Челябинской области, победитель в номинации художественная обработка бересты, радуется лесной поляне, полной ягод. Её берестяная набируха отправляет нас в детство, в лето, когда солнце в зените, собираешь ягодку за ягодкой, и вот уже полная ёмкость сочных, вкусных ягод, вот она – радость.

Наталья Варова из Ивделя Свердловской области назвала свою работу «Спи, моя Радость, усни...». «Мои дети – МОЯ РАДОСТЬ, жизнь моя!...», – размышляет мастер по художественной обработке бересты, – а если дети, то обязательно должны быть игрушки, которые сопровождают каждого ребёнка с рождения, с помощью игрушек дети учатся познавать мир». Её комплект берестяных игрушек был удостоен звания Лауреата II степени.

Для Валентины Лабузновой, мастера текстильной куклы из города Соликамска Пермского края, её радость – её шустрые внуки и её кукольное рукоделие, в композиции «Моё домашнее счастье», через образы двух маленьких куколок – внучат и образа бабушки ей удалось передать тему в полной мере, она была удостоена звания Лауреата II степени.

Для мастерицы по ручной вышивке из Шадринска Курганской области Марины Емельяновой: «А моя радость – это сладость! Уж очень я сладкое люблю! Яркое вышитый карман-лакомник – самое подходящее место для их хранения».

Непростую задачу выбора победителя и лауреатов II и III степени решало компетентное жюри в составе председателя жюри Михалициной Ирины Владиславовны, Киров и членов жюри – Новопашиной Виктории Геннадьевны, Екатеринбург, Артюшкиной Елены Ивановны, Новиковой Ольги Владимировны и Костюка Анатолия Владимировича, Челябинск. Учитывая соответствие изготовленного изделия заданной теме конкурса, а также художественный уровень произведения, техническую сложность работы, оригинальность

идеи, завершённость изделия, жюри выбрало победителей в каждой номинации: в номинации лоскутное шитьё победила Холева Дарья, Увельский район, Челябинская область; в номинации текстильная кукла – Кочнева Ольга, город Советский, ХМАО-Югра; в номинации ручная вышивка – Шафикова Лидия, Миасс, Челябинская область; в номинации роспись по металлу и дереву – Коськина Татьяна, Екатеринбург; в номинации кружевоплетение – Суфиева Юлия, Арамилы Свердловской области; в номинации художественная обработка бересты – Николаева Анна, Златоуст, Челябинская область; в номинации гончарное ремесло – Васильев Андрей Леонидович, Шадринский район, Курганская область; в номинации художественная обработка дерева – Фёдоров Сергей, Челябинск.

Изюминкой Всероссийского конкурса традиционных ремёсел «Урал мастеровой» стало командное первенство. 4 октября команды мастеров, состоящих из трёх человек разных видов традиционных ремёсел делали общую работу по теме, которую организаторы объявили заранее – «Лад». На конкурс было заявлено пять команд УРФО. Жюри, учитывая скорость исполнения конкретного изделия, качество исполнения изделия и идею целостной композиции, первое место присудило командам Свердловской и Челябинской областей, II место – Курганской области.

Особенности творческого конкурса – в режиме реального времени, когда мастер на глазах зрителя создаёт произведение по заданной конкурсной теме, которая объявляется жюри накануне мероприятия, делают само мероприятие острым, а его результат непредсказуемым. Данный формат

Ирина Захарова, Миасс, Челябинская область.
Гран-при конкурса «Урал мастеровой».

позволяет мастеру проявить себя в творческом плане, в течение нескольких часов выполняется работа, рассчитанная на три дня, активизируются мыслительные процессы в поисках идей, придумываются новые композиции и сюжеты, находятся нестандартные решения, разрабатываются технологические приёмы быстрой сборки изделия и его декорирования, и др. Как отмечают сами мастера, творческий конкурс несёт массу положительных эмоций – азарт, воодушевление, ощущение праздника, творческого подъёма.

Творческий конкурс – это, в первую очередь, вызов себе, он даёт толчок для совершенствования своих работ, повышает самооценку, даёт уверенность и понимание ценности традиционного ремесла.

Жюри конкурса.

Валентина Лабузнова, Соликамск, Пермский край.
II место в номинации «Текстильная кукла».

Номинация «Ручное ткачество».

Марина Емельянова, Шадринск. Номинация «Ручная вышивка».

Сергей Фёдоров, Челябинск.
Победитель в номинации «Резьба по дереву».

Ольга Симакова, село Чусовое, Свердловская область.
III место в номинации «Плетение из лозы».

Юлия Суфиева, Арамиль, Свердловская область.
Победитель в номинации «Кружевоплетение».

Сергей Веселков, Нижний Тагил, Свердловская область.
Номинация «Роспись по металлу и дереву».

Наталья Варова,
Ивдель, Свердлов-
ская область.
II место в номина-
ции «Художествен-
ная обработка
бересты».

Великая Отечественная война в судьбе семьи Егоровых

Станислав Лычагов

Станислав Николаевич Лычагов, учитель истории МАОУ «СОШ № 137 г. Челябинска», активист Челябинского регионального отделения Российского военно-исторического общества.

«...Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой...»

Е. Агранович

Миллионы граждан Советского Союза участвовали в Великой Отечественной войне, она затронула каждую советскую семью, прокатилась огненным колесом по жизням миллионов сограждан. В то страшное время все боеспособные граждане Советского Союза встали на защиту Родины, кто-то с винтовкой в руках на поле боя, другие у станка выпускали военную продукцию или трудились на колхозных полях. Каждый советский человек внёс свою лепту в Великую Победу.

В одной из статей я наткнулся на такие воспоминания: паренёк призывного возраста, находясь в соседнем селе, узнал, что ему пришла повестка. Не раздумывая, он бросился домой, где мать его тот час же собрала, его проводили всей деревней, и он отправился на войну. Вроде бы ничего особенного, если только не знать, что эта женщина провожала на фронт третьего, последнего, сына. На мужа и других двух сыновей она уже получила похоронки.

Только задумайтесь... Поставьте себя на место матери. Поставьте себя на место призванного мальчишки. От семьи из пятерых человек за пару лет осталось двое. А могла остаться одна женщина, отдавшая на войну всю семью. Мало что ли таких осталось по всей стране? В те времена в СССР эта картина не была чем-то из ряда вон выходящим. Родная земля нуждалась в защите своих сыновей и дочерей, которые самоотверженно шли на фронт и воевали, оставляя осиротелые семьи.

Похожая история произошла с семьёй Егоровых из уральской глубинки, а именно из п. Петропавловка Колхозного района Челябинской области. В 1917 г. Василий Павлович Егоров вместе со своим двоюродным братом Веденеем возвращались с ратной службы. Путь был нелёгкий, и время от времени приходилось делать остановки, чтобы дать отдохнуть себе и лошадям. Во время одной из остановок, а именно в поселке Архангельском Иглинского района под Уфой, ему приглянулась девушка, живущая в семье старшего брата. На свою малую родину, в Петропавловку, он вернулся уже вместе с Анной Никитичной (в девичестве — Саксимова). Молодой семье тяжело пришлось в первое время, жили впроголодь вместе с семьёй отца Василия.

В 1931 г. семья построила собственный бревенчатый дом на две комнаты. К этому времени в ней родились четыре ребёнка: старшие сыновья Петя и Гриша, дочь Тоня и младший сын Миша. Такой семье жизнь сулила большие перспективы, но в 1933 г. после тяжелых работ в Верхнеуральске заболела глава семейства, по возвращении домой — умирает. Понимая всю тяжесть наступивших времён, Анна Никитична просила старших сыновей уехать из Петропавловки на свою родину — под Уфу, где они могли бы работать на железной дороге вместе со своими дядьками — её братьями, но сыновья Пётр и Григорий были неумолимы: «Мама, там — твоя родина, а здесь — наша». Функции кормильца семьи на себя берёт старший из сыновей — Пётр, который вступает в колхоз и в тринадцать лет начинает работать.

27 октября 1940 г. старшего сына и брата Петра призвали в армию. Служил Пётр Егоров в 355-м стрелковом полку 100-й стрелковой дивизии, располагавшейся в районе Уручья, северо-восточнее Минска в Западном особом военном округе. Служба проходила довольно легко, так как в данном подразделении служил его троюродный брат Николай Веденеевич Егоров. Оба они были весёлыми, любили шутки и, конечно, песни. На общие деньги в полку была приобретена гармонь. Её передали в роту, где служили Егоровы, так как лучших гармонистов в полку не было.

Мирная жизнь и служба в армии закончились 22 июня 1941 г.: началась Великая Отечественная война. Дивизия, в которой служил Пётр Егоров, оказалась на линии огня. В журнале боевых действий 2-го стрелкового корпуса с 25 по 28 июня 1941 г., в который входила 100-я стрелковая дивизия, указано, что дивизия сначала занимала круговую оборону вокруг Минска, а затем была поставлена задача занять оборону на рубеже Ворново, Вандолино, Боровцы, Паперня, Ошмянцы. Однако на марше дивизия попала под авианалёт и заняла оборону в 2–3 километрах от намеченного рубежа. Ввиду отсутствия артиллерии, которая была выведена на полевые сборы, дивизия была снабжена бутылками с зажигательной смесью. 26 июня 1941 г. она успешно отражает танковые атаки противника. 27 июня 1941 г. в дивизию вернулась артиллерия и развернулся переданный ей 151-й корпусной артиллерийский полк, что дало возможность в этот же день перейти в наступление на левый фланг немецкой танковой группировки.

100-й стрелковой дивизии удалось не попасть в котёл окружения: в начале июля 1941 г. после героических и кровопролитных боёв южнее Минска дивизии пришлось оставить свои рубежи обороны и отступить в направлении Шклов — Могилёв, чтобы занять оборону по реке Днепр. Не все подразделения дивизии смогли выполнить поставленную задачу. 355-й стрелковый полк, где служил Пётр Васильевич, попал в окружение западнее Шклова. Вот как описывает в своих мемуарах сложившееся положение 100-й дивизии её командир генерал-майор Иван Николаевич Русианов: «С боями арьергардный 355-й стрелковый полк продвигался к Днепру в направлении на Шклов. Утром 9 июля полк вышел на промежуточный рубеж на левом берегу реки Ослик, где занимали оборону отошедшие раньше 331-й стрелковый и 34-й артиллерийский полки. Оперативная обстановка для 100-й стрелковой дивизии складывалась крайне неблагоприятно. Противник, стремительно развивая наступление вдоль шоссе Березино — Могилёв южнее полосы обороны дивизии, вышел к Днепру и начал продвигаться вдоль реки на север в направлении Головичи, Шклов. На совещании в штабе дивизии приняли решение — немедленно переправить части дивизии на левый берег, пока враг не занял переправу. Прикрывал переправу снова 355-й стрелковый полк Шварева. Вновь завязались тяжелые арьергардные бои. Было отражено несколько яростных танковых атак. Это дало возможность 331-му стрел-

ковому, 34-му артиллерийскому и 46-му гаубичному артиллерийскому полкам беспрепятственно переправиться на левый берег Днепра. Но за это время танковые части противника с юга ворвались в Шклов и захватили переправу. Дивизия оказалась расчленённой. Часть её сил была на левом берегу Днепра, 85-й стрелковый полк сражался в окружении на правом берегу реки Ослик, 355-й стрелковый полк был также окружён западнее Шклова».

Родственник Петра Егорова – Николай Веденеевич Егоров, прислал в Петропавловку письмо, в котором сообщал, что минометную роту, в которой служили Егоровы, оставили на дороге для прикрытия моста от танков противника, а в дальнейшем и его уничтожения: бой был тяжёлым и кровопролитным, мало кто остался в живых. Приказ был выполнен – мост был взорван, но в этом бою погиб и Пётр Егоров. Однако в Петропавловку его маме Анне Никитичне извещение о гибели или справка о том, что пропал без вести, не пришли. В 100-й стрелковой дивизии это просто некому было сделать, так как она с тяжёлыми оборонительными боями отступала все дальше на восток. Поэтому, кроме сообщения из письма, семья не знала о судьбе старшего сына и брата. В октябре 1942 г. в семью Егоровых пришла похоронка на младшего брата Григория, которая извещала, что он был убит 18 июля 1942 г. и похоронен на территории современной Новгородской области. Мать, потерявшая за 10 лет трёх близких, погрузилась в глубокий траур и до конца своей жизни ждала и надеялась, что старшие сыновья вернутся домой. Средняя дочь Тоня взяла на себя функции кормильца семьи. Бросив школу в 14 лет, она начала работать в колхозе сначала учётчиком, а затем кладовщицей, обеспечивая скудное пропитание матери и младшему брату Мише.

Однако в судьбе погибшего старшего сына и брата Петра произошел неожиданный поворот. В конце войны в семью Егоровых пришло письмо из Белоруссии от неизвестного адресата. Прочитав его, они узнали, что Пётр не погиб в июле 1941 года после боя и уничтожения моста, о котором сообщал Николай Егоров в письме, в реальности он был тяжело ранен. Его подобрала жительница села Ахимовичи-2 Круглянско-го района Могилёвской области Мария. Она выходила его, скрывая от взора лояльных к фашистам соседей и местных полицейских. По мере выздоровления Петра Мария стала искать выходы на местных партизан, чтобы его туда переправить. Видя доброе и беспристрастное к себе отношение, Пётр полюбил Марию, она ответила взаимностью. В 1942 г. у них родился сын Николай, названный в честь погибшего брата. И Петр, и Николай считали друг друга погибшими в бою при защите моста, но оба оказались живы. Николай Веденеевич Егоров погибнет позднее.

После рождения сына Петру несколько раз удалось повидаться со своей любимой и сыном Колей. Всю войну Марии пришлось скрывать сына от недоброжелателей. В письме, пришедшем в Петропавловку, Мария сообщала, что последний раз видела Петра в октябре 1943 г. О его дальнейшей судьбе она не знала. Все её попытки разузнать у односельчан-

партизан ничего не дали. Подав в розыск в Минск, Мария получила ответ: «По данным учёта на 1 апреля 1945 г. разыскиваемый Егоров Пётр Васильевич в списках подразделений нашей части, а также в числе убитых и пропавших без вести не значится. В дальнейшем в случае обнаружения сообщим вам дополнительно».

Получив известие из Белоруссии от Марии и её последующие письма, мама Петра Анна Никитична обратилась в военкомат Колхозного района, который 4 сентября 1947 г. выписал ей извещение о том, что Егоров Петр Васильевич пропал без вести в октябре 1943 г.

18 июня 1947 г. военный комиссар Колхозного района Челябинской области гвардии майор Самойлов направил в Москву именным список о безвозвратных потерях личного состава по Колхозному райвоенкомату с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., в котором указано 74 человека и под № 46 значится Егоров Пётр Васильевич, пропал без вести в октябре 1943 г., указав сведения на основании пришедшего в Петропавловку ответа из Белоруссии.

Между семьями, живущими в Петропавловке и Ахимовичи-2, установилась связь: они обменивались письмами и фотографиями. В одном из писем Мария написала: «Здравствуйте, дорогая мамаша, золовка Тоня, деверь Мишка. Хочу я вам уведомить, что мы живы и здоровы, и желаю вам всего хорошего в вашу жизнь. Письмо я ваше получила 28 июня, за которое сердечно благодарна. Дорогая мамаша, вы мне пишете, что я вас забыла. Нет, я вас не забыла и никогда не забуду до гроба жизни...». В завершении письма она написала: «Сообщаю вам, как я проводила 9 мая ... от полудня до вечера омывалась горькими слезами, чего я такая несчастная».

В начале 1960-х гг., пройдя службу в Советской Армии, Николай Петрович Егоров приехал на родину своего отца, в Петропавловку. Когда Анна Никитична открыла дверь незнакомому гостю, немного потребовалось времени, чтобы узнать в молодом человеке своего не вернувшегося с войны сына Петра, так её внук был похож на её сына. Подобные сцены были не единичны в то время. Схожий сюжет показан в кинопопее «Вечный зов» и в повести Анатолия Калинина «Возврата нет». Спустя десятилетия родственная связь между семьями из России и Белоруссии, возникшая во время войны, поддерживается и по сей день.

Великая Отечественная война стала тяжёлым испытанием для советской страны. Но наш народ не сдался. Преодолевая тяжелейшие условия военной жизни, люди ковали Победу, шли на защиту Родины, не раздумывая о том, что могут никогда не вернуться в свой дом, в свою семью. Разве не это есть проявление истинного патриотизма? Любовь к Родине, верность гражданскому долгу, мужественность, отвага – именно эти человеческие качества принесли долгожданную Победу. Народный героизм был повсеместно: на поле боя с оружием в руках, в тылу врага, в партизанских отрядах и подполье, на заводах и фабриках за станками, на полях, выращивая хлеб для Красной Армии. Везде было место подвигу. Мы обязаны героическим предкам за мирное небо над головами, ведь они пожертвовали многим ради нашего благополучия.

75
ПОБЕДА!
1945–2020

Пётр Васильевич Егоров. 1941 год. Минск.

Семья Егоровых. Слева направо: Гриша, Василий Павлович, Тоня, Анна Никитична, Петя. Около 1930 года. Посёлок Петропавловка Челябинской области.

Чтобы помнили...

Наталья Вольвач

Этот год ознаменован в России чествованием ветеранов. Как мало остаётся тех, кому мы могли бы сказать слова благодарности и уверить в том, что помним и будем помнить их подвиг.

Фоторепортаж из майских тёплых дней, посвящённых празднованию 75-летия Великой Победы, подготовлен Натальей Вольвач, членом союза журналистов, членом союза фотохудожников, сотрудником пресс-службы администрации МГО Челябинской области.

Для каждого фронтовика парад – важное и знаковое событие, которое они с нетерпением ждут каждый год. В связи с неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой этой весны Росгвардией была объявлена акция «Парад Победы у дома». Города России чествовали своих ветеранов...

7 мая 2020 года персональное поздравление с 75-й годовщиной Великой Победы от представителей войск Национальной гвардии Российской Федерации принимали миасские ветераны Великой Отечественной войны Борис Григорьевич Вишникин и Борис Павлович Евсеев.

Во дворах, где проживают ветераны, была создана праздничная атмосфера, исполнялись песни Победы, звучали слова искренней благодарности и восхищения героизмом и мужеством участников войны.

Заместитель командира воинской части Алексей Коротин обратился к ветеранам с поздравительной речью. Пожелал здоровья, добра, светлой радости и мирного неба над головой, подчеркнув, что ветераны как никто другой знают цену такому небу.

Перед фронтовиками торжественным маршем прошли военнотруженики роты Почётного караула, прозвучали мелодии военной поры, были озвучены факты их непростой героической биографии.

Самое важное, что в торжественном событии участвовали правнуки ветеранов, для которых эта Победа стала событием и их ещё такой недолгой жизни.

А вот этот трогательный рассказ о своей героической прабабушке с помощью мамы написал Михаил Подкорытов, ученик 4 класса школы № 4. С позволения авторов мы публикуем историю Анастасии Тимофеевны Михолап, на долю которой выпали совсем не женские испытания.

Анастасия Тимофеевна Михолап за боевые и трудовые заслуги награждена Орденом Славы, Орденом Отечественной войны II степени, многочисленными медалями «За отвагу», «Партизан войны» и другими, имеет почётное звание «Ветеран труда».

«Когда 22 июня 1941 года на нашу страну напали немецкие захватчики, моей прабабушке было 14 лет. Они жили в Белоруссии, и поэтому первыми приняли на себя удар захватчиков. Люди работали в поле, как вдруг на коне примчался человек, который сообщил, что началась война, и велел всем, кто старше 18 лет идти в военкомат.

Прабабушка в это время жила в соседней деревне, вскоре туда пришли полицаи и стали забирать молодёжь в лагерь, организованный немцами, для дальнейшей отправки в Германию на работы.

Несколько дней моя бабушка провела там. А потом пришел один полицай и забрал бабушку и ещё трёх девушек из их деревни для того, чтобы отправить их на склад за провизией. Девушек привязали веревками за шею к телеге и заставили тащить эту телегу несколько километров до складов. Когда они дошли до места, полицай отвязал их и ушёл оформлять бумаги. Спустя какое-то время, когда полицай вернулся, он очень удивился, что девушки всё ещё не сбежали. Тогда он снова ушёл, дав понять, что надо бежать. Так бабушка и её подруги сбежали из лагеря благодаря полицая. Позже бабушка узнала, что этот «полицай» был заслан партизанами по поручению старшего бабушкиного брата специально, чтобы спасти их из плена. Спустя несколько дней после этого события тот «полицай» был расстрелян.

Четыре дня девушки шли по лесу до своей деревни без еды и воды, прячась от людей, а когда добрались, то оказалось, что дома им оставаться нельзя, так как в деревне всё ещё было много полицаяев. Тогда бабушка снова пошла прятаться в лес. Там она случайно встретила партизана, который привёл её в свой отряд. Так моя бабушка оказалась в партизанском отряде и стала помогать солдатам получать разную информацию из деревень.

Много раз бабушку отправляли на опасные задания, но она со всеми заданиями справлялась. Однажды, когда бабушка пошла в деревню на разведку, туда приехали немцы и стали проверять все дома. Прятаться на чердак или в подпол было небезопасно, там бы сразу нашли, поэтому бабушку решили спрятать в печку. Она там просидела, пока всё не успокоилось. Когда немцы ушли, бабушка попыталась вылезти из печи и не смогла — она застряла. Чтобы вытащить бабушку, печь пришлось разобрать. Было и такое, что бабушке приходилось прятаться в сундуке. Ей уже нечем было дышать, а полицай всё не уходил. А когда он, наконец, ушел, бабушку вытащили из сундука уже без сознания, но её удалось привести в себя. Она сидела в холодных болотах по пояс в воде, лежала сутками неподвижно под кустами, голодала, мёрзла, но

всё смогла выдержать, не сдаться и не предать своих товарищей. Так моя бабушка воевала вместе с партизанами до начала 1944 года.

Я очень горжусь своими прадедами. К сожалению, я не увидел своего прадеда — он умер в 1983 г. Но зато моя прабабушка всё ещё жива, и я очень рад этому. А 9 мая мы всей семьей, в том числе и прабабушка, пойдём на парад в честь Дня Победы в Великой Отечественной войне».

За предоставленный из семейного архива материал благодарим семьи Михолап и Подкорытовых.

Публикуется с разрешения g-miass.ru.

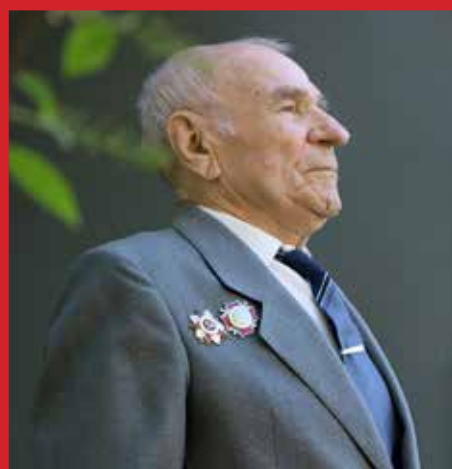

В селе Устиново
состоялся празд-
ничный концерт
для Александра
Дмитриевича
и Зои Фёдоровны
Пановых.

Анастасия Тимофеевна Михолап

Поздравление
Бориса Григорьевича
Вишника.

Поздравление
Бориса Павловича
Евсеева.

8 ноября – Дмитриев день, праздник, связанный в русской традиции с поминовением предков, павших воинов и воинской славой, а также и с традициями кулачных боёв, приуроченных к этому дню. В сознании современных фольклористов это ещё и всероссийский фестиваль традиционной мужской культуры «Дмитриев день», ежегодно проходивший в эти дни последние двадцать пять лет в Екатеринбурге. Традициям кулачных боёв и посвящаются два следующих материала.

Кулачные бои в Тюмени в конце XIX века

Евгений Киселёв

Евгений Анатольевич Киселёв, кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург.

Петербургский журналист А. Вакуловский в 1890-е годы совершил поездку по Западной Сибири. Он описал жизнь провинции, совершенно неизвестную в столице и сохранившиеся элементы традиционной культуры. Фотографии предоставлены Владимиром Полищуком.

Современный интерес к истории повседневности заставляет обращаться к публикациям прошлого. Среди журналистских эссе бывают неожиданные находки. Такими стали и «Сибирские очерки» А. Вакуловского о поездке по Западной Сибири в конце лета – осени, вероятно 1890 г., опубликованные во «Всемирном путешественнике» [2, с. 74–93]. Оказалось, что эти журналистские заметки остались вне поля внимания исследователей и краеведов. Их нет в подробном указателе «Русский травелог XVIII – начала XX веков» [3]. В размещённом в сборнике «Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев» фрагменте «Сибирских очерков» не раскрыта фамилия автора [1, с. 472]. Комплекты журнала «Всемирный Путешественник» отсутствуют и в Интернете, и в региональных библиотеках. Журнал выходил как самостоятельное иллюстрированное издание с 1867 по 1878 гг., а далее как приложение к разным изданиям. Имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры выходили без иллюстраций, как бесплатное приложение к журналу «Родина».

Путешествие по Сибири началось для журналиста А. Вакуловского в Тюмени, куда он добрался на поезде из Екатеринбурга. И уже здесь он столкнулся с необычным зрелищем, которое заставило задержаться в городе ещё на один день. Это был воскресный кулачный бой. [2, с. 78].

А. Вакуловский писал, что кулачные бои в Тюмени проводились каждое воскресенье, на состязание выходило до тысячи человек [2, с. 79]. Однако современный исследователь А. Бобринский считает, что кулачные бои были связаны с летними земледельческими праздниками и не проводились так часто.

Кулачный бой, свидетелем которого стал журналист, произошёл на противоположном от города берегу реки Туры, называемом «Заречье». Оба берега связывал деревянный мост, почти касавшийся воды. Местная администрация была бессильна предпринять что-либо против этого опасного развлечения. Остановить эту толпу не в состоянии солдаты небольшого гарнизона и городские стражники. Каждый бой почти не обходился без гибели или увечья кого-либо из борцов. Купцы съезжались сюда и сами принимали участие в схватке, или заключали пари на одну из дерущихся сторон [2, с. 79].

На ровном лугу за Турой стояли стеной друг против друга толпы народа. Ближе к реке стояли русские: крестьяне, мастеровые, купцы; дальше на лугу – татары. Все пестрело праздничными костюмами, точно собрались сюда на огромное торжество. В стороне группировались зрители и множество экипажей.

Обе толпы стояли неподвижно, пересмеиваясь и подстрекая одна другую. Выдвинулись вперёд мальчуганы и завязали трёпку. Говор и смех стали слышны. Раздались восклицания и среди зрителей: татарчата бойко теснили русских подростков к взрослым рядам. Всколыхнулись эти ряды и бросились бежать татарские мальчуганы. Стеной двинулась русская шеренга и стеной встретили её татары. То здесь, то там падают борцы, но опять вскакивают и наносят здоровенные удары друг другу. Но татарам везло – они потихоньку наступали вперёд [2, с. 79].

Однако судьбу схватки решил старый боец по фамилии Михайлов, богатырь по сложению. Он, в силу преклонного возраста, уже редко участвовал в боях. Но тут к нему криком обрати-

лись многие бойцы и зрители, и старый боец ринулся на подмогу. В итоге татары одолели и далеко отнесли. А. Вакуловский уехал, чтобы не видеть последствий этой схватки.

На следующий день, отправляясь вниз по Туре до деревни Ивлиевой, он узнал у возчика – участника боя, что одному мужику сломали руку, а другого замертво унесли и неизвестно, оправится ли. Это омрачило воспоминания о виденной картине.

А. Вакуловский отмечает, что это зрелище может увлечь каждого русского человека, как ни противно оно голосу ума, времени и цивилизации.

«...Что-то родное было в этом состязании, могучие остатки старины, беззаветная русская удаль чувствовалась в этом избытке сил, которым надо было развернуться. Вспоминалась песня о купце Калашникове, где так мастерски передана Лермонтовым эта когда-то обыкновенная забава наших предков» [2, с. 78].

В журналистских текстах этого времени мы находим живое описание традиций и обычаев, которые остались вне научного внимания экспедиций тех лет. «Сибирские очерки» А. Вакуловского представляют несомненный интерес для исследователей культуры Сибири, историков, географов, краеведов и экскурсоводов.

Список литературы и источников:

1. 1893. А. В-ский / Л. Д. Злоказов, В. Б. Семёнов // *Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев, Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica», 2000.* – С. 472–477.
2. Вакуловский А. Сибирские очерки / А. Вакуловский // *Всемирный путешественник / Бесплатное приложения «Родины».* – 1893. № С. 74–93.
3. *Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т. И. Печерской, Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2018.* – 832 с.

Традиции мужской состязательности в культуре русских

Вячеслав Печняк

Вячеслав Александрович Печняк, этнолог, ведущий методист государственного автономного учреждения Свердловской области «Центр традиционной народной культуры Среднего Урала», Екатеринбург.

Одним из регуляторов воспроизводства «мужского» являлись рукопашные состязания – обычаи ритуализированных праздничных боёв. Разнообразные виды состязаний, характерные для всех без исключения народов, возникли в глубокой древности как элемент физической подготовки для успешной охоты, ведения военных действий, охраны соплеменников, собственности и т. д. Они становились неотъемлемой частью традиционной культуры этносов. Как составная часть традиционной культуры русских, многие элементы состязаний сохраняются до наших дней. Она долгое время остаётся одним из важных элементов в мужской культуре, отражающим ментальность русского человека. Наличие силовых противоборств у русских – ключевой вопрос истории состязательной культуры, ответ на него уточнит и раскроет более полную историческую картину народной жизни.

С развитием государства прямая воинская функция мужчины-общинника, в связи с утратой своей роли ополчения, атрофировалась и внутри общины приобрела форму забав, в которых каждый мог показать свою «удаль». Взрослые и старики следили, чтобы абсолютно всё мужское население деревни принимало участие в таких боях.

В данном аспекте мы будем рассматривать состязательную традицию как ряд игровых рукопашных состязаний, происходивших на праздниках. Они имели широкую популярность и древнюю историю среди русского населения. Среди них можно назвать такие игры как бои китоврасов, разные виды борьбы, палочные бои, кулачные бои и бои стенка на стенку.

Культура поединков и противоборств имеет весьма древнее мифологизированное происхождение. У человека с самого начала разделялся бой как вид самозащиты и состязание как некий ритуал или даже развлечение. Интересной предстаёт сама природа боёв: ответ на вопрос, что же заставляет человека вступать в противоборство с другим человеком.

Остановимся более подробно на нескольких популярных в традиционной культуре русских видов рукопашных состязаний. А именно кулачных боях и борьбе.

Кулачные бои. Кулачные бои как вид состязания существовали во многих цивилизациях древнего мира. В традиции древних эллинов противоборство существовало ещё со времен Крито-Минийской культуры. Затем единоборства были включены в олимпиаду. В 664 г. до н. э. в программу олимпиады был включён кулачный бой как отдельный вид состязания¹. Хотя учреждение Олимпийских игр произошло в 776 г. до н. э., 132 года разницы между учреждением игр и включением кулачного боя в программу объясняется тем, что кулачные бои являлись непременным атрибутом тризны, а к 664 г. выделились как вид противоборства. В 624 г. был введён панкратий или панкратион – смешанный бой, где разрешались все удары любой частью тела и весь борцовский арсенал. Этот вид соревнования либо вытек из кулачного боя, либо постепенно заместил его собой².

В традиционной культуре русских противоборства также занимали важное место. О боевой культуре Древней Руси известно мало, в основном упоминания в летописях. Но при рассмотрении этнографического материала с XIX в. до наших дней, просматриваются общеевропейские корни противоборств. Они при-

сутствуют в культуре народов этой языковой семьи как часть поминальных обрядов.

Земледельческая община зависела от урожая. Для получения помощи предков существовали поминальные игры³.

А. В. Грунтовский подчеркивает брачно-ритуальное значение боя. Как правило, целью его было получение девушки (либо в споре, либо через показ себя), т. е. продление рода. Кулачные бои были своего рода системой допуска к воспроизводству внутри общины.

Теперь перейдём непосредственно к рассмотрению видов кулачных состязаний, бытовавших в традиционной культуре русских. Кулачный бой традиционно делился на несколько видов:

«Охотничий» или «сам на сам» – один на один;

«Стенка на стенку» – коллективный бой, где бились две партии;

«Сцеплялка-свалка» – коллективный бой каждый сам за себя либо бой двух противоборствующих сторон;

Драка – спонтанный коллективный бой двух или нескольких партий в ходе гуляния.

В состязаниях, как правило, имелись общие неписанные правила:

1. Биться по любви, не иметь «сердца» (злости) на противника;

2. Лежачего не бить;

3. «Не бить в спину» – Не бить сзади;

4. «Закладок» («заначек», «кремней») в руки не брать;

5. Не бить ногами;

6. «В мазку» (человека, на котором кровь) не бить.

Существовали и правила-«уговоры» на договорной основе. Обе стороны уговаривались, как будут биться, какие приёмы, хитрости и удары применять и т. п. По многочисленным свидетельствам современников, нарушители этих правил подвергались жестокому наказанию. А. А. Лебедев отмечает, что «виновного били до полусмерти со своей и чужой стороны»⁴.

«Сам на сам». Всеобщее распространение у русских имели кулачные бои «сам на сам», «в одиночку», «на поединки», «сам друг», «одиночный бой». Данный вид кулачных состязаний представлял собой поединок двух бойцов. Такие бои, как правило, проходили во время народных гуляний в кругу, образованном зрителями, или на площадке, огороженной плетнём, либо в специальной постройке, которая называлась «дральческий сарай»⁵. Это самый свободный и разнообразный вид боя. Конечной целью таких поединков было сбить противника на землю, вынудить признать поражение. В Москве, на Среднем и Нижнем Поволжье, в отличие от приведённого выше условия, бой вёлся до трёх падений на землю⁶. Как правило, в бою сходились соперники, равные по

3 Горбунов Б. В. Традиционные состязания за обладание снежной горкой как элемент народной культуры русских // Этнографическое обозрение. 1994, № 5.

4 Лебедев А. А. Из истории кулачных боёв на Руси // Русская старина 1913., № 6, 7. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?id=3006> (дата обращения: 24.03.2010)

5 Залялиев А. Традиция кулачных боёв в глубинке Нижегородской губернии. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.buza.ru/text.php?cat_id=9&text_id=84&page=1 (дата обращения 14.03.2010)

6 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция

1 Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. – С-Пб., 2001. – С. 49.

2 Павсаний. Описание олимпиад // А. В. Грунтовский. Русский кулачный бой. – С-Пб., 2001. – С. 50.

силе, возрасту и бойцовским навыкам. Условия поединков были договорными. Бойцы обговаривали, какие приёмы, удары можно использовать, а какие нет. Определялось «ладонное» или «кулачное» битье⁷. В Москве, на Среднем и Нижнем Поволжье допускались удары головой в тело противника.

Также существовали варианты боя с усложненными условиями. Например, «на одну руку». Здесь нужно было драться одной рукой, в то время как другая плотно привязана к телу кушаком, противник же действовал двумя руками⁸. Позволить себе такое могли только самые искусные бойцы. Однако, как отмечает Горбунов Б. В., иногда такое условие было связано с тем, что один из бойцов имел физическое увечье, и в силу этого был вынужден драться одной рукой: «Одна из газет сообщала, что крестьянин с. Выкрестово Воронежского уезда участвует в кулачных боях несмотря на то, что имеет лишь одну руку»⁹. Прежде чем вступить в поединок, бойцы бросали друг другу вызов, целью которого было раззадорить соперника и себя. Корреспондент Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева так описывает вызов в Болховском уезде Орловской губернии: «Один из бойцов на каком-нибудь собрании мужиков восклицал всем:

- Давай любой на меня на кулачки!
- Давай со мной! – говорит Яков.
- Давай и с Яшком побьюсь!
- Ну давай! – закричал Яков»¹⁰.

В свою очередь, можно выделить несколько основных видов боя, бытовавших на всей территории России среди русских: «полюбовный», «раз на раз», «через черту», «чередом», «стуколка» «на перебой». Здесь после вызова на земле прочерчивалась линия, и соперники вставали друг против друга. Бойцы поочередно наносили друг другу удары до тех пор, пока кто-то не отказывался продолжать бой, либо был сбит на землю. По жребию определяли, кто первым будет наносить удар. Принимающий удар должен был стоять на месте, не уклоняясь от удара. Однако за принимающим удар сохранялось право закрывать уязвимые места (сердце, «микитки», «салазки»). Затем удар наносил другой боец.

Удары наносились рукой, любой частью кулака в область туловища, головы и конечностей. В каждом регионе имелись свои устоявшиеся правила проведения таких боёв. В Среднем Поволжье бить в пах, в солнечное сплетение и в голову запрещалось¹¹.

В качестве разнообразия такие бои могли проводиться, сидя на скамейке, на кадке и т. д.; тому, кто наносил удар, предлагалось сбить сидящего со скамьи или кадки либо вместе со скамьей¹². Такой вид боя имел различные функции. Александров А. В. отмечает, что данный вид боя применялся, когда сталкивались два обоза на зимней дороге – победитель получал право проезда¹³. Также в «раз на раз» для определе-

ния победителя могли сойтись бойцы от каждой стороны во время «стенных боёв».

На наш взгляд, этот вид боя предстаёт архаичным, поскольку предполагает прямое испытание физических и моральных качеств соперников. Именно в таком виде боя мужчине предоставляется возможность «померяться силой», показать себя. Заметим, что данный вид боя имел так же и судейскую функцию.

«Врасхлёстку» – это свободный бой, напоминающий панкратион. В нём разрешалось свободное передвижение, все уловки и хитрости, подсечки, толчки и броски. Также разрешалась любая защита, уклон, уходы от удара или снятие. Бились до тех пор, пока один из соперников не будет повержен на землю от ударов. Побеждённый вставал, и в знак признания превосходства силы противника, первым кланялся ему¹⁴. А. К. Белов добавляет ещё одну техническую особенность. По его мнению, как правило, серия ударов прекращалась, когда один из соперников терялся и не мог отбивать удары. Тогда атакующий останавливался и дожидался, пока соперник вновь придёт в себя¹⁵.

В этих поединках разрешались удары любой частью тела в любую область тела, иногда разрешались и борцовские приёмы. Но чаще всего это было противоборство в стойке. Такие бои были известны на Нижегородчине¹⁶ и Ярославщине¹⁷. Б. В. Горбунов усматривает в них наиболее архаичный вид состязания, поскольку с воинской точки зрения он является практичным и наиболее применим в реальном военном столкновении¹⁸. Однако, А. В. Грунтовский говорит о том, что данный вид боя более поздний, поскольку он более травмоопасен¹⁹ (он исходит из убеждения в том, что изначально бои носили ритуально-игровой характер).

Таким образом, бой «сам на сам» имели три основных вида: «сам на сам», «раз на раз» и «врасхлёстку».

Ещё один вид кулачного боя был известен под названием «сцеплялка-свалка», «сцеплянка», «свальной бой», «свалка», «сцепной бой». По одним описаниям этот вид боя представлял кулачное противоборство двух партий бойцов, которые «Шли в бой в рассыпную и тузились в толпе» с соблюдением общих правил кулачного боя²⁰. Как и любой групповой бой, начинали его самые маленькие, а заканчивали взрослые мужчины. Условия боя были договорными, Горбунов Б. В. отмечает, что обговаривали условия бить «по мордам» и «по бокам»²¹. В Казани при необходимости во время боя могли сделать «перемирие»²².

Урала. Народный календарь: истоки и традиции. – Екатеринбург, 2011. – С. 6.

14 Залялиев А. Традиция кулачных боёв в глубинке Нижегородской губернии. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.buza.ru/text.php?cat_id=9&text_id=84&page=1 (дата обращения 14.03.2010)

15 Белов А. К.. Кулачное дело на Великой Руси. – М.: 2004. – С. 46

16 Залялиев А. Традиция кулачных боёв в глубинке Нижегородской губернии. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.buza.ru/text.php?cat_id=9&text_id=84&page=1 (дата обращения 14.03.2010) .

17 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; – М., 1999. – С. 37.

18 Там же, с. 37.

19 Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. – СПб., 2001. – С. 15.

20 Боричевский И. Кулачный бой // Геркулес. – СПб., 1914. № 13. – С. 7.

21 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М., 1999. – С. 42.

22 Шалыпин Ф. И. Кулачные бои на озере Кабан//Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. – СПб., 2001. – С. 324.

в народной культуре русских. – М., 1999. – С. 37.

7 Там же, с. 37.

8 Там же, с. 37.

9 Там же, с. 37.

10 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева», – СПб.: 2005. Т. 6. Ч. 4. – С. 168.

11 Залялиев А. Традиция кулачных боёв в глубинке Нижегородской губернии. [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.buza.ru/text.php?cat_id=9&text_id=84&page=1

12 Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина. – М.: 2004. – С.156.

13 Александров А. В. Кулачный бой «на перебивание» как важный элемент праздничной жизни русского населения Урала и Западной Сибири во 2й половине XIX-нач XX вв. //Национальные культуры

В «сцеплялке» как и в боях «сам на сам» участники «задирали» друг друга перед началом схватки. Из вышеизложенного видно, что существовало и возрастное деление. Перебранка бойцов-подростков играет в этом возрасте становления личности и попыток мужского самоутверждения особую роль — он призван ввести подростков в общество старших. А также, как отмечает Жельвис В. И., служит средством защиты от характерных для этого возраста страхов²³, например, потерпеть поражение на глазах всей общины.

Согласно другим описаниям, «сцеплялка» — это кулачный бой, в котором «противной стороны не имелось» и бились «кто с кем попало и кто кого одолеет в толпе без разбору»²⁴; по свидетельству другого очевидца, в Царицыне в конце XIX в. бытовала «свалка-сцеплялка» — массовый бой, в который каждый бился сам за себя. Здесь нужно было обладать не только ловкостью и сильным ударом, но и особым хладнокровием²⁵. В этом виде боя тому, кто оставался дольше всех на ногах, доставались большой почет и уважение²⁶. По В. И. Далю, «сцеплялка» — это бой на кулаках, где всякий схватывается в одиночку²⁷. В XIX веке упоминания об этом виде боя встречаются редко, хотя некоторые современники отмечают, что «в старину» этот бой встречался достаточно широко²⁸. В дополнение к этому можем отметить упоминания об этом виде боя на Тамбовщине²⁹.

Горбунов Б. В. считает данный вид боя весьма архаичным, берущим своё начало из времён, когда древние славяне не имели строя и ходили в бой «свалкой»³⁰. Данный вид боя, по его мнению, в дальнейшем сформировался в бой «стенка на стенку». Исследователи усматривают во втором варианте «свалки» одну из разновидностей кулачного боя, призванного помочь бойцу научиться вести бой сразу в нескольких направлениях.

Самым известным у всех восточнославянских народов был бой «стенка на стенку». Встречаются и другие названия: «стена на стену», «бой стенками», «стенной бой», «стіна до стіны», «лави», «сцена на сцену», «сценки». Это один из самых зрелищных и сложных боёв. Проходили они на открытом месте, либо на реке, где берега являлись естественной границей для площадки, при большом скоплении народа, как правило, на крупные праздники, имеющие отношение к земледелию или основным точкам календарного цикла, таким как Масленица, Сороки, Егорьев день и т. д.

23 Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. — М., 1997. — С. 124.

24 Лебедев А. А. Из истории кулачных боёв на Руси // Русская старина 1913. — № 7. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?id=3006>.

25 Разин Н. С. Полвека назад. Воспоминания борца. — М., 1963. — С. 34.

26 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 1999. — С. 42.

27 Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 1 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://slovari.299.ru/word.php?id=37342>

28 Боричевский И. Кулачный бой // Геркулес. — СПб., 1914 г. № 13. — С. 6.

29 Тедорадзе А. С. Русские рукопашные состязания как явление социальной истории аграрного общества. Тамбовская губерния, вторая половина XIX — первая половина XX вв.: Диссертация кандидата исторических наук. — Тамбов, 2002. — С. 99.

30 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 1999. — С. 43.

«Стенка на стенку» представлял собой противоборство двух партий бойцов, которые наступали друг на друга, предварительно построившись определенным образом — «стенкой», т. е. плотно сомкнутым строем бойцов. Смысл данного рукопашного состязания состоял в том, чтобы посредством кулачного боя удержать свою территорию и вытеснить стенку противника с поля боя.

Правила в «стенке» были следующие: а) Лежачих не бить, равно как и тем, кого сбили на землю, запрещалось вставать и атаковать противника с тыла, а только в пределах своей стенки; б) биться лицом к лицу, обход с тыла и фланга был запрещен; в) запрещено переходить на чужую сторону³¹.

Состязание «стеношников», как и свалку, открывало «задирание», «задоривание», проходившее в виде перебранки, в которой соперники выкрикивали друг другу насмешки, оскорбления, порою рифмованные, с целью раззадорить их: «Съездить кого в Харьковскую губернию, Зубовского уезда, город Рыльск, Зубов погост»³². По мере того, как обстановка накалялась, начинали раздаваться боевые кличи, целью которых было поднять боевой дух, сплотить свою «стенку»: «Дай бою!», «Поддай бою!» «Вали! Выходи!..»³³. Далее бой развивался следующим образом: после «задираний» с обеих сторон сходились мальчишки и начинали «задорный бой» — одиночные сшибки нескольких пар юных кулачников. Их сменяли «стенки» подростков 13–15 лет, после того, как на чьей-либо стороне оказывалось преимущество, в бой вступали «стенки» «женихов», «холостых» 17–22 лет, а подростки выходили из игры. В ходе боя одна из сторон встречала на своём пути «стенку» взрослых бойцов («женатых», «бородачей»), и не вступая с ними в бой, выходила из состязания. После этого начинался «заправский бой» — кулачное противоборство женатых мужчин. По такому сценарию проходили кулачные бои в Москве в XIX в. по свидетельству современника: «Стенка только началась. На свободное пространство, находившееся между двумя стенками, выбегали ребята и с задорными криками вызывали себе противников... они тузили друг друга по мордам и бокам до тех пор, пока один из них не удирал или присаживался на землю, признавая себя совершенно побеждённым. Но вот за ребятами выходили подростки, за подростками молодые парни, а там уж приняли участие и мужики»³⁴. Аналогичным образом проходили кулачные бои в с. Бутка Талицкого р-на Свердловской области: «Молодёжь только начинает драку, а потом бородачи выходят, потом все мировую пьют... драки были, начинают с пацанов, а кончают вот с таким бородам старики...»³⁵.

Горбунов Б. В. фиксирует аналогичный сценарий в ряде сёл Вологодской обл.³⁶, а также в Туле в Богородицком

31 Горбунов Б. В. Мужские состязательные игры в контексте традиционно-бытовой культуры русских // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 5. Традиционные формы досуга: история и современность. — М., 1994. — С. 125.

32 В. И. Даль Пословицы русского народа. — М., 1957. — С. 637.

33 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 1999. — С. 44.

34 Балагур Ф. Кулачные бои на ермолинской фабрике в Москве. 1860 г. // Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. — СПб., 2001. — С. 324.

35 Фонд ЦТНК СУ, ЭФ-0362–4, с. Бутка, Талицкий р-н, Свердловская обл.

36 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 1999. — С. 44.

Традиционная вышивка в технике «тамбур» крючком у татар Свердловской области

Нижнесергинский район, село Урмиеево.

Экспозиция Этнографической выставки традиционной культуры татар Урала «Где звенят чулпы...» в рамках выставочного проекта «Традиции коренных народов Среднего Урала», 10 сентября – 29 ноября 2015 года (костюмы из МУК «Национальный культурный комплекс с. Аракаево» и фондов ЦТНК СУ).

Нижнесергинский район, село Шокурово.

Носовой платок жениха, с. Урмикево
Нижнесергинского района Свердловской области.

Традиционная вышивка в технике «тамбур» крючком у татар Свердловской области

В год 100-летия государственности Республики Татарстан представляем описание объекта нематериального культурного наследия, посвященное женскому домашнему ремеслу татар Свердловской области (а также татар и башкир в Челябинской, Курганской областях, Пермском крае). Традиционная вышивка в технике «тамбур» крючком у татар Свердловской области — уникальное явление, зафиксированное в фольклорно-этнографических экспедициях сотрудниками Свердловского областного дома фольклора. В последнее время наблюдается заметный рост интереса к этому виду рукоделия, многие молодые женщины обучаются этой особой технике — вышивке тамбуром с помощью крючка. В татарских и башкирских сёлах, где до середины XX века каждая девушка владела приёмами этой вышивки, открываются декоративно-прикладные студии, где можно обучиться, отработать технику, в городах в рамках выставочных проектов по национальному народному искусству проводятся мастер-классы. Надеемся, что все эти совместные действия и возрастание неподдельного интереса к народному ремеслу принесут свои плоды, и искусство тамбурной вышивки крючком будет подвластно многим.

Описание объекта подготовлено С. Н. Кучевасовой.

Историческое бытование ОНН.

На территории Екатеринбургского и Красноуфимского уездов Пермской губернии.

Образцы, дошедшие до настоящего времени, датируются XIX веком. Технология изготовления существует на протяжении нескольких веков.

Краткое описание ОНН.

Наиболее популярная техника вышивки татар. Суть техники тамбурной вышивки заключается в выкладывании одинаковых стежков-цепочек, образующих звенья узора. Цветочно-растительный, зооморфный и антропоморфный полихромный орнамент. Используется в качестве декора предметов традиционной татарской и башкирской одежды (женские рубахи күлмәк, передники аляпкыч, мужские рубахи күлмәк, текстильные пояса билбау), а также текстильных предметов быта (полотенца тастымал, скатерти столъябу, занавеси чаршау) и ритуальных предметов (молельные коврики намазлык) и др. Различается несколько видов тамбурного шва («полный», «неполный», «низкий», «высокий» с созданием рельефного узора).

Сведения об особенностях ОНН.

Тамбурная вышивка — приёмы и декоративные элементы доносят орнаментальные коды предыдущих эпох, отражают особенности народного творчества прошлых поколений, отражают особенности декоративно-прикладного и народного творчества разных территорий.

Историко-этнографическая характеристика.

Тамбурная вышивка широко распространена в местах компактного проживания татар и башкир Свердловской области (юго-западные районы — Нижнесергинский, Артинский, Ачитский, Красноуфимский), Челябинской области, татарских и башкирских сёл Пермского края, Курганской области, Республик Татарстан и Башкортостан. Основу тамбурной узорной вышивки мастериц составляет орнамент с богатейшим циклом цветочно-растительных форм и мотивов. Исследователи выделяют среди множества тамбурных узоров татар древний «булгарский» пласт в виде старинных трилистников, лотосовидных цветов, розеток, вьюнков, спиралей, используемых в традиционных бордюрных обрамлениях. Выделяются также цветочные мотивы, восходящие к архаичному изображению «древа жизни». Изначально вышивка выполнялась окрашенными в быту природными красителями льняными нитями. Цветовая насыщенность вышивок усилилась с появлением анилиновых красителей, и, в дальнейшем, фабричных хлопчатобумажных нитей. Особый колорит и монументальность тамбурной вышивке

придал приём заполнения контура декоративных элементов тамбурными стежками. Для вышивания в этой технике использовались специальные самодельные пальцы кереге в виде деревянной прямоугольной рамы большого размера, внутри которой на домотканый холст прикреплялась ткань с прорисованным для вышивки узором. Техника вышивки производилась специальным самодельным, а позже фабричным крючком. Татарская вышивка с её ярко выраженной полихромностью, своеобразием композиционных решений оказала определенное воздействие на вышивку не только родственных тюркоязычных народов Урала, Поволжья, Средней Азии, Казахстана, Башкирии, но и русского населения Поволжья, а также западных русских областей.

Крупноформатные и миниатюрные композиции вышивок отличаются законченностью и выразительной самобытностью, передают представление народа о красоте и природной гармонии. Яркая красочность достигалась за счёт контраста цветных нитей вышивки и ткани изделия, являющейся фоном для вышивки. Все разновидности тамбура взаимосвязаны с материалом: полотном собственного и фабричного изготовления (сатином, шёлком, бархатом). В качестве основы для тамбурных композиций использовались ткани чёрного, красного, синего, зелёного, розового, бордового и даже белого цветов. Нити — шёлковые, мулине, гарус, шерсть, лён — всех цветов и оттенков. Самые распространённые тамбурные композиции — ленточная (бордюрная) и геральдическая в виде букета, переходящие друг в друга в одной декоративной плоскости, а также круговая, розетчатая, шахматная, сетчатая и буквенная.

Технология изготовления.

Предварительно определяется назначение предмета, выбирается орнамент, подготавливается ткань для предмета одежды или предмета быта и нити, готовятся пальцы и крючок для вышивания. На ткань наносится рисунок с помощью карандаша, мела или куска сухого мыла, раньше переводили рисунок с помощью оловянной или алюминиевой ложки, проводя по рисунку копируемого изделия. Рисунок может наноситься самостоятельно при художественном умении. Для каждого сельского поселения вышеуказанных районов были характерны свои орнаменты, с помощью которых жители могли маркировать свою территориальную принадлежность, сочетания цветов также имели некоторую территориальную принадлежность. Выбранная ткань с нанесённым для вышивки рисунком натягивается внутри рамы и прошивается через край рамы по всему периметру. Ткань аккуратно натягивается — настолько, чтобы не провисала внутри рамы.

Подготавливается нить определённого цвета и закрепляется снизу узелком или двумя закрепляющими стежками. Крючок протыкает ткань, мастер подхватывает снизу нить крючком, выводит её на поверхность и делает петлю. Затем рядом делается второй прокол ткани, нить подхватывается внизу, вытаскивается на рабочую поверхность и делается петля. Таким образом, цепочка тамбурных швов образует контур орнамента. Затем берётся нить другого цвета и заполняется поле внутри контура в соответствии с намеченным рисунком и цветовым решением мастера.

Список использованной литературы:

Г. Ф. Валеева-Сулейманова, Р. Г. Шагеева. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. — Москва, «Советский художник», 1990.

С. Н. Кучевасова «Традиционный костюм татар и башкир Урала»/ Народное искусство Урала. Традиционный костюм. — Екатеринбург: «Издательство Баско», 2006.

Научная статья об этнографической выставке, посвященной традиционной культуре татар Урала «Где звенят чулпы...» в рамках выставочного проекта «Коренные народы Среднего Урала» в Альманахе Центра традиционной народной культуры Среднего Урала «Колесо», № 8.

Вашему вниманию предлагается материал об игре, которая существовала у многих народов (у русских, татар, башкир и др.). Игра, начатая как забава, могла длиться долгое время, превращаясь в своеобразное состязание между поспорившими и вовлекающая окружающих, семью в этот поединок самообладания, находчивости и внимания. Окончание игры обязательно вызывало шквал шуток и смеха, о наиболее длительном поединке долго помнили и рассказывали.

А вы помните такую игру?

Обско-угорская игра «Бери и помни» как отголосок древнего обычая предсказания и жеребьёвки

Татьяна Волдина

Татьяна Владимировна Волдина, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, ХМАО-Югра.

В арсенале народных игр казымских хантов и сосьвинских манси сохранилось состязание, развивающее память, с помощью ключичной косточки дичи — «Бери и помни». В статье приводится описание игры, а также варианты подобных развлечений у разных групп обских угров, а также примеры по другим народам. В их основе лежат традиции гадания или жеребьёвки между участниками.

В игровой культуре хантов и манси — охотников-рыболовов и оленеводов — можно выделить целый комплекс разнообразных игр, в основе которых лежит взаимодействие с косточками, а также предметами из других роговидных материалов.

Состязание с помощью ключичной утиной косточки «Бери и помни» относится к категории игр во время трапезы, а также к спокойным и интеллектуальным развлечениям. Эта игра наблюдалась автором в среде казымских хантов [4], но она также хорошо известна и у сосьвинских манси [3, с. 8] и фактически ничем не отличается от казымского варианта, поэтому ниже дано общее описание без выделения отдельных элементов с указанием их диалектно-этнографической принадлежности, какое обычно даётся при существовании вариантов и версий игры в разных этнических группах.

Когда ели мясо утки или другой водоплавающей и боровой дичи, то кому-то попадалась ключица. Именно с этой косточки начинается увлекательная игра, способствующая развитию памяти и внимательности. Тот, у кого была ключица птицы, мог предложить другому человеку сыграть с ним. Таким образом, играющих всегда было двое, и ими могли быть как взрослые, так и дети.

Начальный этап игры:

Игроки загадывают и озвучивают своё желание, которое в случае победы должен был выполнить противник, а также определяют срок игры, в течение которого необходимо было отыгаться, а иногда назначают игру без срока.

Игра начинается с момента, когда каждый игрок берётся пальцем за один из кончиков ключицы и тянет в свою сторону, — и косточка переламывается. У кого в руках оказывается большая часть ключичной косточки с серединой, тот условно считается победителем, получая преимущество над другим игроком, который должен был отыгаться в течение назначенного срока.

Вероятно, в древности так могли разрешаться спорные вопросы, когда ключица птицы выполняла роль жребия. Позднее же этот древний обычай превратился в начальный этап игры. Доказательством данного предположения является сохранившаяся игра-гадание приуральских ханты, основой которой является ключичная косточка куропатки, в центре которой есть выраженный костный отросток — как небольшой «парус». Два человека брались за эту косточку и переламывали её. У кого был кусочек кости с «парусом» — тот считался удачливым. Этим способом определяли, кто из этих двух людей будет «более везучим» в ближайший период времени (по сообщению А. А. Шияновой, 25.05.2019). Таким образом, эта игра по сути своей является гаданием.

У верхнесосьвинских манси с помощью вилочковой косточки глухаря (эта косточка крепче утиной) также состязаются. Например, дети могут сказать: «Если проиграю, то

ночью пойду купаться». Или решают так: кто проиграет, тот выполняет определённую работу [5].

Подтверждением этому служат примеры подобных традиций у других народов. Например, похожая игра бытовала на Вятке в д. Лубни Кировской области, где смешанно проживают русские и мордва. Здесь соперники ломали куриную ключичную косточку, приговаривая «Счастье будет тому, у кого большая часть», т. е. кому доставалась часть косточки с отростком (по сообщению И. Ю. Семёновой, 30.05.2019, она в свою очередь познакомилась с этой традицией от своей бабушки Д. Ф. Лубниной). По данным А. И. Мишиной, марийский обрядовый праздник «Ятаз» заканчивается переламыванием ключичной косточки гуся хозяином дома и одним из наиболее уважаемых его гостей (Материалы Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Ижевск, июнь 2019).

Итак, мы рассмотрели начальный этап игры «Беру и помню», который проходит непосредственно во время приёма пищи и, по сути, является её зачином. Но последующий этап игры, как правило, уже выходил за рамки периода трапезы.

Продолжение игры:

Основное правило игры – ничего не брать из рук противника или брать, но со словами: «Беру и помню» или просто «Помню». В случае, если противник возьмёт предмет из рук соперника и забудет произнести при этом требуемые слова, то он проиграл. Тот же, кто выиграл, говорит после вручения предмета: «Бери и помни».

Излюбленный приём в начале игры – вручить противнику свою часть ключичной косточки непосредственно после того, как игроки её переломили. Для многих неопытных игроков, забывшихся в этот момент (а ими, как правило, были дети), игра тут же заканчивается. Опытные же игроки, по словам информантов, «могли играть годами, через несколько лет могли обдурить. Это если, например, на кону важенка была» [4]. В случае же, если игра была назначена на определённый срок, и никто не смог обмануть противника, то победителем становился игрок, у которого на начальном этапе игры была большая часть ключичной косточки.

Если игра назначена на определённый срок, в течение которого ни один из игроков не смог «одолеть» противника, то победителем становится тот, у кого на начальном этапе игры была большая часть ключичной косточки.

Происхождение многих игр с косточками животных, как отмечают исследователи, берёт своё начало в ритуально-обрядовой деятельности. Например, в основе детских игр с суставными косточками животных – бабками или альчиками до нас дошёл ритуал гадания и жеребьёвки [6, с. 70–71]. Подобное хорошо просматривается и на примере игры «Бери и помни», прежде всего в её вариантах у разных групп обских угров, а также у других народов, что в свою очередь свидетельствует о древности данного состязания и межкультурных этнических взаимосвязях.

Записанная игра вошла в собрание игр обских угров культурно-просветительского проекта «Этноигротек» Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск) и была представлена на семинаре-практикуме «Обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами», опубликована в одноимённом учебном пособии [1], а также её краткий вариант представлен в одной из научных публикаций автора [2].

Список использованной литературы и источников:

1. Волдина Т. В. Обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами: Учебно-методическое пособие. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. – 80 с.
2. Волдина Т. В. Традиционные обско-угорские игры с косточками и другими роговидными материалами: структурный анализ // Вестник угроведения. 2019. – Т. 9, № 3. – С. 520–532.
3. Игрушки и игры среднесосьвинских манси д. Хулимсунт / Сост. Т. Сивцова, Т. А. Головина, Н. К. Маслова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир, г. Ханты-Мансийск», 2012. – 26 с.
4. ПМА 1 – Полевые материалы автора, Ханты-Мансийск, 2019 (информант М. К. Волдина, 1936 г. р.)
5. ПМА 2 – Полевые материалы автора, п. Яныпауль Берёзовского района ХМАО-Югры, 2019 (информанты Е. Н. Надьшина, 1967 г. р.; Д. А. Самбиндалов, 1959 г. р.)
6. Шагапова Г. Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 152 с.

Продолжение. Начало на стр. 12–14.

и Епифанском уездах и ряде сёл Орловской области³⁷. В Великих Луках и некоторых сёлах Воронежа бой велся одновременно двумя возрастными группами. Рядом со взрослой «стенкой» проходил бой подростков и малышей³⁸.

Механизм боя был определен следующим образом: бойцы одной «партии», «шаечки» или «артели», скрепляясь друг с другом, образуют «стенку».

Сохраняя такое положение, необходимо было «пробить» «стенку» противника, оттеснить его за условную линию, либо прорвать его ряды. Рядов в «стенке» могло быть несколько, количество участников не ограничено. В каждой «стенке» выбирался предводитель – «надёжа-боец», который командовал действиями стенки и должен был затыкать бреши в рядах. Правила боя оговаривались заранее либо зависели от локальных обычаев.

О том, как выглядел «заправский бой», мы можем судить по описанию современника Г. И. Фомина, ставшего очевидцем «стеношного боя» в Воронежской губернии: «Наконец, когда прошло минут двадцать, кулачники не выдержали и в толпе, в которой теперь было, приблизительно, до 1500 человек, начали снова раздаваться характерные призывные крики и свист, подзадоривавшие бойцов к бою. Эти вначале одиночные крики крепили всё сильнее и сильнее, к ним прибавлялись всё новые и новые голоса. Где-то в самом центре толпы произошло движение, взметнулась кверху чья-то рука... Кто-то кого-то ударил. Крики перешли в сплошной рёв, смешанный со свистом. Эта дикая какофония была по нервам, вселяла в душу какую-то погромную тревогу и, очевидно, горячила бойцов, и бой быстро разгорался. Издали центр толпы, где уже шёл бой, производил впечатление каких-то танцующих людей. В то время как вся остальная масса кулачников оставалась ещё пока в относительном покое, там, в центре то одна сторона, то другая напирала друг на друга, там заметно было большое движение; сходились и расходились люди, поднимались и опускались для удара кулаки. Этот танец центра постепенно расширялся во все стороны, вовлекая в бой всё новых и новых бойцов, наконец, он захватил почти всю толпу»³⁹.

Бой мог длиться в течение нескольких часов⁴⁰. Горбунов Б. В. фиксирует в Иваново-Вознесенске, с. Перлевка Воронежского уезда, с. Никольское Новохопёрского уезда обычай заканчивать «стеношный бой» с первым ударом колокола к вечеру⁴¹.

«Стеношные бои» в разных локальных традициях насчитывают до 55 вариантов проведения и особых правил. Мы не ставим цели подробного рассмотрения каждого из них, поэтому перейдем к рассмотрению непосредственно интересующих нас аспектов. В частности – значение.

Если рассматривать прикладную сторону «стеношного боя», то в нём отрабатывались военные навыки. Бойцы сго-

варивались о тактике, команды выполнялись по свисту надёжи-бойца. В крупных стенках выбирались десятники, пятидесятники, сотники. Всё это указывает на военный характер стенки. Возможно, в средневековье это был своеобразный способ тренировки пехоты, которую набирали из крестьян. Если говорить о сакральном смысле «стенки», то он связан с земледельческим культом, противоборство должно было способствовать плодородию земли.

Как мы уже упоминали выше, стенка начинается с зачина, затравки, завязки, которую начинали дети, их в свою очередь сменяли подростки, а тех – выростки, затем уже шли в бой женихи и бородачи (женатые). Ход самой «стенки» как будто представляет собой жизненный цикл мужчины. Причём участники стенки, равно как и участники сева, мужчины детородного возраста. А. В. Грунтовский отмечает также важную брачно-ритуальную функцию. Мужчина ходил в «стенку», пока семья рожала⁴². После зачина начиналась основная часть игры – заправский бой взрослых. Внутри «стенки» имела своя иерархия, идентичная иерархии артели. Каждая из этих групп выполняла определенную задачу во время боя. Первые ряды стенки составляли женихи, холостые или возрастные парни, возрастом до 24 лет⁴³. Затем они перегруппировывались и занимали позицию на крыльях (флангах) стенки. Следующими стояли ряды женатых (взрослых). Количество участников стеношных боев могло колебаться от нескольких десятков до нескольких тысяч. Так, Г. И. Фомин, ставший свидетелем стеношного боя в Воронежской области в 1923 г., называет цифру в 1500 человек⁴⁴.

Стенка строилась по семейно-родственному, территориальному, профессиональному, социальному или этническому признакам. Она имела собственные части, которые назывались подобно человеческому телу: центр (грудь, лицо, чело), фланги (бока, крылья), тыл (зад) и резерв (запас)⁴⁵. В стенке имелся свой руководитель, который назывался вожак, атаман, башлык и т. д. Он определял моменты маневров и решительных ударов.

«Стенка» представляла собой подвижное соединение, задние ряды сменяли передние, таким образом, обеспечивалось продолжительное ведение боя. Решающую роль играли отдельные сильные бойцы. Их называли «силачи», «надежа-бойцы», «записные бойцы». Они либо вставали в центр, ведя стенку в бой, либо оставались в резерве и в критический момент затыкали собой брешь в строю. Стоит отметить, что силачи имели большой авторитет среди артельщиков и в обычной жизни⁴⁶. Таким образом, обеспечивая всем своим товарищам по стенке победу (плодородную силу на будущий год), они обеспечивали и себе повышенный статус в общине.

42 Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. – СПб., 2001. – С. 38.

43 Горбунов Б. В. Мужские состязательные игры в контексте традиционно-бытовой культуры русских // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 5. Традиционные формы досуга: история и современность. – М., 1994. – С. 126.

44 Г. И. Фомин. Кулачные бои в Воронежской губернии // Известия воронежского краеведческого общества. 1925 г., № 3 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.rkb.vrn.ru/Gaseta/Stati/1926.htm>.

45 Горбунов Б. В. Мужские состязательные игры в контексте традиционно-бытовой культуры русских // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 5. Традиционные формы досуга: история и современность. – М., 1994. – С. 126.

46 Розов А. Н. Кулачные бои в России // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 5. Традиционные формы досуга: история и современность. – М., 1994. – С. 135.

37 Там же, с. 44.

38 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М., 1999. – С. 44.

39 Фомин Г. И. Кулачные бои в Воронежской губернии // Известия воронежского краеведческого общества. 1925 г., № 3 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.rkb.vrn.ru/Gaseta/Stati/1926.htm>.

40 Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. – СПб., 2001. – С. 61.

41 Горбунов Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских / РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М., 1999. – С. 59.

Ограниченное пространство, в котором проходил «стеношный бой» имело название «поле»⁴⁷. Окончательной победой считается вытеснить стенку противника за границу поля, либо «попятить» до своего села.

Проходили стенки в основном в период зимних и зелёных святок. Но в некоторых местностях они проходили и на престольные праздники той или иной деревни⁴⁸.

Семантика «стеношного боя» представляется на наш взгляд довольно многогранной. Прежде всего, это отголосок древнего способа тренировки ополчения, во время кото-

рой отрабатывалось умение держать строй, (ломит стеной) и учиться разным маневрам. Во-вторых, в связи с тем, что бои проходили в период весенних праздников (Масленица, Зеленые Святки), некоторые исследователи увязывают их с аграрной магией.

«Стеношный бой» как ритуал заряжения земли, либо же стремление обеспечить обильный дождь через кровопролитие⁴⁹. Мы уже отмечали, что в стенке участвуют лишь мужчины детородного возраста, что роднит её с обрядом сева, а это значит имеет место аграрная подоплёка. Таким образом, «стенка» является особым ритуальным действием, во время артели мужчин производят заряд земли плодородными силами.

47 Белов А. К. Кулачное дело на Великой Руси. — М., 2004. — С. 185.

48 Горбунов Б. В. Мужские состязательные игры в контексте традиционно-бытовой культуры русских // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 5. Традиционные формы досуга: история и современность — М., 1994. — С. 121

49 Там же, с. 129

Прокофий Демидов: знакомый незнакомец

Алексей Карфидов

«Воспитание мое сибирское...»

Алексей Николаевич Карфидов, старший научный сотрудник Невьянского государственного историко-архитектурного музея.

310 лет назад, 8 (19) июля 1710 года, в Невьянском заводе – «столице» промышленной державы Акинфия Демидова родился его старший сын Прокофий. Здесь же, в Невьянске, прошли его детство и юность. «Воспитание мое сибирское», – впоследствии любил повторять Прокофий Акинфиевич. Именно в Невьянске начал формироваться его живой и деятельный, но вместе с тем строптивый и неуступчивый, настоящий демидовский характер, часто заставлявший его идти против воли отца.

Присущие Прокофию предприимчивость и любознательность не были утрачены с возрастом. Вообще, в житейском плане Прокофий Демидов предстает довольно мудрым человеком, несмотря на все свои чудачества. «Не будь спесива, самолюбива, жадна, помни, как я живу, – так напутствовал Прокофий Акинфиевич одну из своих дочерей. – Живи весело, не кручинься... Вместо слёз лучше смеяться».

Эту способность «смеяться» в ответ на все жизненные невзгоды Прокофий Демидов сохранил до глубокой старости. «Что желаешь мне так быть здоровому, как ты, того-то нельзя: у меня уж песочек сыпется», – с самоиронией писал 73-летний Демидов своему зятю, страдая от подагры.

«Трудами и попечением доставлял я пользу отечеству...»

Главный упрек, который многие биографы обращают к Прокофию Демидову, заключается в незнании им заводского дела, что в результате привело к продаже фамильных предприятий.

На самом деле Прокофий, как его отец и дед, с юных лет обучался металлургии. Другой вопрос, а любил ли он заводское дело, и находил ли время для занятий горными делами? Неслучайно же Акинфий Демидов как-то заметил: «заводы, яко детище малое, непрестанного требуют к себе доброго надзирания». Вот это стремление осуществлять «непрестанное надзирание» за заводами у Прокофия Демидова, в отличие от его отца, отсутствовало. То есть, нужно говорить не о неумении, а, скорее, о нежелании заниматься заводской деятельностью.

Хотя попытки такого рода Прокофием Демидовым предпринимались. В юности он исполнял отцовские поручения. После смерти отца и раздела имущества между братьями, Прокофий Акинфиевич в течение десяти лет самостоятельно пытался управлять доставшимися ему пятью уральскими заводами. Из Москвы на Урал он высылал распоряжения, получая от приказчиков детальные отчёты о заводской деятельности. Прокофий Акинфиевич не так уж далёк был от истины, утверждая в одном из писем, что «от доставшихся мне по наследству Сибирских Невьянских заводов... трудами и попечением доставлял я пользу отечеству и народу снабжением, таковую же, какову и отец мой».

Но времени для занятий заводскими делами оставалось все меньше и меньше – уже долгие годы Прокофий Демидов был поглощен страстью к ботанике. В результате в 1769 году он избавился от обременительного наследства, продав заводы промышленнику Савве Яковлеву.

«Как жадный, веселюсь на растения...»

Садоводством Прокофий Демидов увлёкся ещё в юности и сохранил это увлечение на всю жизнь. «Потому, что

у меня к тому охота», – так он объяснял свою любовь к ботанике в одном из писем.

В начале 1730-х годов двадцатилетний Прокофий вместе с младшим братом Григорием создали под Соликамском ботанический сад, затем ещё один «весьма плодovitый» сад в Туле. Но, конечно, больше известен Нескучный сад в московском имении Демидова, самый крупный по величине и количеству растений.

На огромных садовых террасах были устроены гряды с однолетними и многолетними растениями, построены оранжереи для теплолюбивых растений, привозимых из-за границы, птичник и большой пруд. Прокофий Демидов лично занимался селекцией, составлением гербариев. О том, что работа в демидовском саду «происходит под присмотром самого почтеннейшего Господина сего сада» упоминал академик П. С. Паллас, помогавший Демидову в его занятиях.

Согласно опубликованному «Каталогу растениям...», за тридцать лет существования Нескучного сада общее количество выращенных там растений и кустарников составило восемь тысяч штук. В предисловии к «Каталогу», написанном от имени Прокофия Акинфиевича, наиболее ярко выражено его отношение к живой природе: ботаника способна «возбудить удивление о премудрости и величии Божиим», о богатстве мироздания, которое «только хитро, что человеческого разума не достаёт к открытию всего».

Кроме ботаники Прокофий Демидов много занимался коммерцией. При этом немалые средства он отдавал на благотворительность – общая сумма его пожертвований составила свыше четырех миллионов рублей.

«Я люблю разное... мешаю дело с бездельем».

Но все заслуги Прокофия Демидова в области ботаники, коммерции или благотворительности заслонил собой образ чудака, разбрасывающего золото пригоршнями. Ни один биограф не отказывает себе в удовольствии описать демидовские причуды. То Прокофий Демидов явится на придворный приём одетым в поношенный кафтан из простого сукна, а к своему зятю на обед отправит вместо себя свинью. Или же придет ему в голову блажь прокатиться тёплым летним вечером по московским улицам в санях, и приказчики, высыпав на дорогу не один пуд соли, исполнят желание хозяина.

Интересное объяснение демидовским чудачествам дал современный исследователь И. Н. Юркин. Станный демидовский экипаж или же поношенный кафтан, надетый им на придворный прием – это не что иное, как ироническая усмешка внука кузнеца над знатными вельможами екатерининского двора. То есть Прокофий Демидов не просто чудака «не от мира сего», а человек, умеющий критически посмотреть на современные ему дворянские нравы и моды. О том, что он чудил сознательно, Прокофий Акинфиевич сам заявлял в своих письмах: «мое чудачество тебя в смех привело», «я уж дурачиться по своему летучему разуму определить себя хочу».

...Скончался Прокофий Демидов в ноябре 1786 года, на 77 году жизни. Похоронен он в Москве на кладбище Донского монастыря. Главное его детище – московский Нескучный сад ненадолго пережил своего создателя: после смерти хозяина имение было продано, а садовые растения утрачены.

Невьянский завод,
место рождения
Прокофия Демидова.
XVIII в.

Сад Прокофия Демидова
в Москве.
Фрагмент музейной
экспозиции. 2009.

Прокофий Демидов.
Портрет кисти
Д. Левицкого.
1773.

Демидовская экспозиция
в Наклонной башне.
2003.

Гербарий.
Фрагмент музейной
экспозиции.
2009.

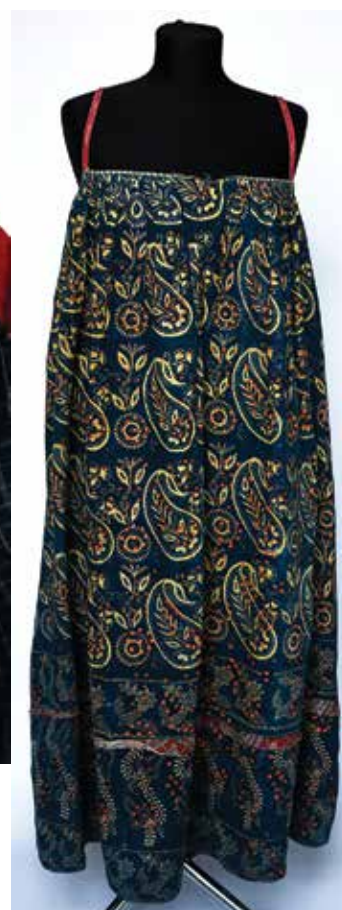

Джинсовая история России

Женские и мужские костюмы из коллекции ФГБУК «Российский этнографический музей». Первый ряд слева направо: Татары казанские, конец XIX – начало XX века, Казанская губерния. Русские, конец XIX – начало XX века, Рязанская губерния. Узбеки, середина XIX века, Западный Туркестан.

Рубаха женская. Татары-мишари. Вторая половина XIX века.
Пермская губ., Шадринский уезд. Конопляная ткань, сатин, ситец.

Сарафан. Русские. Вторая половина XIX века.
Архангельская губерния. Из коллекции ФГБУК
«Российский этнографический музей».

Рубаха женская. Чуваши. Конец XIX – начало XX века. Волго-Уральский регион. Конопляный холст, х/б ткань.

Русские,
к. XIX – н. XX в.,
Рязанская губ.
Узбеки,
Сер. XIX в.
Зап. Туркестан.
Из коллекции
ФГБУК «Российский
этнографический
музей».

Платье траурное. Кочевые узбеки. Конец XIX – начало XX века. Самаркандский оазис, Мата. Из коллекции ФГБУК «Российский этнографический музей»

Рубаха девичья. Якуты. Начало XX века. Якутская область, Якутский округ.

Халат мужской. Айны. Начало XX века. Остров Иезо (Япония).

Из коллекции ФГБУК «Российский этнографический музей».

Фрагмент подола сарафана. Русские. К. XIX – н. XX в. Костромская губ., Костромской уезд.

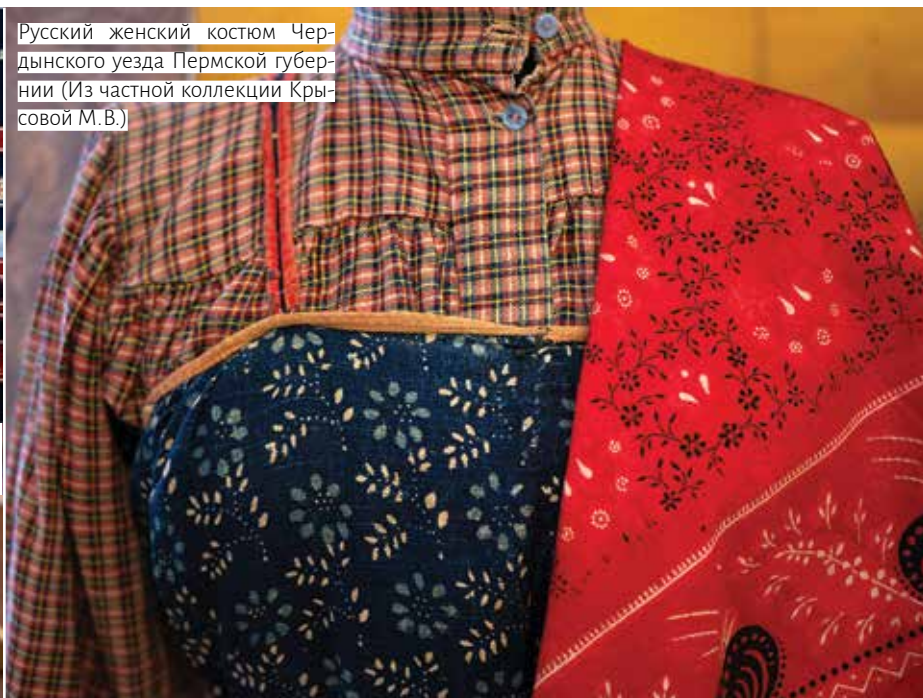
Обувь невесты. Нанайцы. К. XIX – н. XX в. Приморская область.

Просушка окрашенных в кубе тканей с нанесённым рисунком, compuart.ru.

Мужской подвенечный кафтан. Чуваш. К. XIX – н. XX в. Самарская губерния. Из коллекции ФГБУК «Российский этнографический музей».

Русский женский костюм Чердынского уезда Пермской губернии (Из частной коллекции Крысовой М.В.)

Женский костюм. Коми-зыряне. К. XIX – н. XX в. Архангельская губерния. Костюм невесты. Нанайцы. К. XIX – н. XX в. Приморская область.

Джинсовая история России

Татьяна Николаева

Татьяна Станиславовна Николаева, искусствовед, ведущий специалист отдела выставочных проектов государственного автономного учреждения культуры Свердловской области «Центр традиционной народной культуры Среднего Урала».

В сентябре 2020 года в Центре традиционной народной культуры Среднего Урала открылась уникальная выставка «Этноджинс. Костюмы разных народов», посвящённая традиционному народному костюму. Яркая и красивая одежда русских, татар, узбеков, нанайцев, коми, проживавших на территории Российской империи в середине XIX – начале XX вв., наглядно демонстрирует разнообразие использования синего цвета в традиционной одежде, что позволяет специалистам с уверенностью называть хлопчатобумажные крашенные ткани двухсотлетней давности первыми джинсами.

Принято считать, что изобретателем первых джинсов был американец иудейского происхождения – Леви Страусс (Лейба Штраусс), который в 1853 году придумал шить прочные штаны из коричневой парусины, как нельзя лучше подошедшие для тяжелой работы золотоискателей. Таким образом, первые джинсы были отнюдь не цвета индиго. Такой цвет они приобрели гораздо позднее, в 1880-х годах, когда Леви Страусс для производства рабочих штанов стал использовать хлопчатобумажную ткань синего цвета саржевого переплетения (деним), производившуюся во французском городе Ниме. Однако на Евро-Азиатском континенте одежда, окрашенная в индиго, появилась гораздо раньше.

Синий цвет, или индиго, добывается с помощью переработки листьев индигоферы красильной – травянистого растения из семейства бобовых, произрастающего в Индии, Египте, Японии, южных регионах Европы, России и США. Это насыщенный, яркий цвет, который пользовался популярностью в Индии, Иране, Афганистане, Средней Азии, а также в Южной Сибири. Индиго краситель известен очень давно: образцы окрашенных в синий цвет тканей были найдены при раскопках в Египте и Месопотамии, но популярным индиго стал примерно в середине первого тысячелетия до нашей эры. В классическом варианте синий цвет – это цвет траура. Однако красивый, глубокий синий также считался благородным цветом, являлся предметом роскоши, а одежда соответствующих цветов – маркером знатности и состоятельности её владельцев, причем, в совершенно разных обществах – от кочевников-туарегов Западной Африки до аристократов Восточной Азии. В Средней Азии и Южной Сибири краситель был доступен для всех слоёв населения, но при попадании в Европу его стоимость возрастала в десятки раз, и позволить себе одежду, окрашенную в индиго, мог не каждый.

Монополия индигоферы красильной в России продолжалась вплоть до начала XVIII века, когда Пётр I начал давать «жалованные грамоты» «всем и каждому, каково бы чина и достоинства ни был» для производства своих, русских красителей на красочных заводах. Первым заводом, на котором начали вырабатывать краски, был завод Савелова и братьев Томилиных под Москвой. В 1758 году А. Тавлеев развёл под Саратовом вайдовые сады и построил фабрику для изготовления брусковой краски из вайды методом, применяемым в Индии. Сады занимали площадь около 550 га. Вайда красильная – растение семейства капустных. Произрастает в степных и пустынных зонах Кавказа, в Центральной Азии и Восточной Сибири, а также в Северной Африке. Вайда до-

статочно неприхотливое растение, в отличие от индигоферы, она легко прижилась в Европе.

В 1750 году Правительственный Сенат обратился к М. В. Ломоносову с просьбой протестировать синюю брусковую краску, изготовленную на заводе А. Тавлеева, на предмет качества, сравнив её с индиго красителем. Проведя ряд тестов, М. В. Ломоносов пришёл к выводу, что местный краситель ничем не уступает привозному. Так началась эпоха красителя вайды.

В России, начиная со второй половины XVIII века, синий краситель, по причине недорогой стоимости, начал прочно входить в крестьянский быт. Синий – это универсальный цвет, который у разных народов использовался при изготовлении траурной, рабочей, праздничной или свадебной одежды, служил фоном для вышивки или аппликации, одежду из так называемой «синюхи» носили как старики, так и молодёжь. Тенденция разнообразия в использовании синего цвета прослеживается и среди экспонатов выставки «Этноджинс. Костюмы разных народов».

Идея этой выставки принадлежит сотрудникам Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), в чьих фондах находится группа памятников, цвет и фактура которых определяет их сходство с классическими джинсовыми изделиями. Представленные на выставке детали костюма и предметы интерьера характеризуют развитие данной текстильной традиции у народов России и сопредельных государств на протяжении столетия – с середины XIX до середины XX века. В экспозиции представлено более 140 уникальных этнографических экспонатов, привезённых из Санкт-Петербурга. Поддержали петербургскую коллекцию предметы одежды Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера (Екатеринбург), Каменск-Уральского краеведческого музея (Каменск-Уральский), а также экспонаты из фондов Центра традиционной народной культуры Среднего Урала (Екатеринбург) и частных коллекций.

Экспозиция построена таким образом, что можно проследить тенденцию сочетания разного использования синего цвета: рядом с праздничным русским сарафаном расположен чувашский мужской подвенечный кафтан, а мужские повседневные штаны коми-пермяков соседствуют с литовской юбкой. Основой костюма служит синий фон, который нередко украшали различной вышивкой и аппликацией, зачастую торжественность такому изделию придавал яркий красный цвет. Необычность расположению экспонатов на выставке придает обыгрывание темы стирки: между витринами на бельевой верёвке «сушатся» штаны, юбки, сарафаны, передники и мешки, а под ними находятся деревянные предметы, с помощью которых стирка и осуществлялась. Так организаторы выставки дали понять, что синий цвет в повседневной одежде разных народов, населявших Российскую империю в середине XIX – начале XX вв., был весьма популярен.

Интерес представляет собой уникальный экспонат, возможно, единственный сохранившийся в мире – траурное платье кочевых узбеков (конец XIX – начало XX вв.), которое надевала вдова на поминки усопшего мужа. Глубокий ин-

диги цвет, хорошо сохранившаяся хлопчатобумажная ткань и простой покрой напоминают свободную тунику, которую так любят носить современные модницы. Рядом представлен другой экспонат – девичья праздничная рубаша (Якутская область, начало XX века). Она также окрашена в насыщенный синий цвет, по вороту расположено украшение, выполненное из металла. Разместив эти предметы рядом, сотрудники музея подчеркнули универсальность использования индиго цвета.

Также в экспозиции представлено два халата народа айны. Это уникальные образцы культуры и быта практически исчезнувшего народа, древнейшего населения Японских островов. Некогда айны жили также и на территории России: в низовьях Амура, на юге полуострова Камчатка, Сахалине и Курильских островах. В настоящее время айны остались в основном только в Японии, их численность в Стране восходящего солнца составляет около 25 000 человек. Образцы одежды, представленные в витрине, украшены своеобразной вышивкой индиго-нитью, а также аппликацией из ткани глубокого синего цвета. Простой крой халатов, так напоминающих японское кимоно, отлично сочетается со сложной вышивкой, что придаёт одежде, сшитой из грубой ткани, некоторую праздничность.

Отдельно хочется отметить ряд образцов тканей и готовой одежды, украшенных яркой набойкой. В России, начиная с середины XVIII века, набойным промыслом занимались целые уезды. Из набойки шили мужскую и женскую одежду, церковные облачения и знамёна, делали скатерти, пологи, занавеси, переплёты книг. Она бытовала и в крестьянском доме, и в кругу зажиточных городских слоёв населения, где эта узорчатая ткань заменяла дорогие привозные шелка и бархат. Популярная кубовая набойка получила своё название от куба – чана с красителем синего цвета, в который погружалась ткань с нанесённым на нее набивным способом узором. Искусные мастера, которых называли красильщики или синильщики, могли придать ткани любой оттенок индиго, а резные набойные штампы украшали синий цвет сложными узорами, присущими тому или иному народу. Следует сказать, что в Российском этнографическом музее находится около 3000 образцов набойных досок, самую маленькую часть которых хранители музея привезли специально для выставки.

На Среднем Урале изготовление крашенины было наиболее развито в Красноуфимском уезде Пермской губернии, где во многих крупных сёлах мастера-красильщики открывали свои мастерские. Из популярной в то время набойки

шили сарафаны и кафтаны. Хорошим примером могут послужить комплексы и отдельные их элементы, предоставленные для экспозиции Свердловским областным краеведческим музеем имени О. Е. Клера, а также Каменск-Уральским краеведческим музеем. В выставке также приняли участие экспонаты из частной коллекции Марины Валерьевны Крысовой, народного мастера, фольклориста и собирателя этнографии Пермского края. Среди представленных комплексов одежды выделяются разноцветной набойкой два женских сарафана из Чердынского уезда и Коми-Пермяцкого округа, а подчеркивает яркость красок строгий тёмно-синий сарафан дубас старообрядки Верхокамья (Сивинский район Пермского края).

Традиционные изделия, которые были представлены на выставке, и по сей день не теряют свою актуальность, прежде всего благодаря синему цвету, который обеспечивает визуальное сходство с современным джинсовым текстилем, а также благодаря умению мастериц прошлого уверенно сочетать разные цвета и фактуры, подчеркивая тем самым базовый цвет индиго. Показательно, что этнографические памятники стали интересны не только специалистам музейного дела, но и всем тем, кто интересуется историей традиционного текстиля народов Евразии.

Набойный штамп. Армяне.
Конец XIX – начало XX века.
Из коллекции ФГБУК
«Российский этнографический
музей».

Искусство печати на ткани

Елизавета Манерова

Елизавета Юрьевна Манерова, профессор кафедры «Декоративно-прикладное искусство» ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет», член правления, председатель секции декоративного искусства Свердловского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз Художников России», Екатеринбург.

Динамика современной жизни, желание жить в соответствии с событиями сегодняшнего дня, быть современным в одежде и быстро реагировать на перемены в моде и простое желание быть современным человеком заставляют нас искать способы и формы создания оригинального авторского стиля в одежде, аксессуарах, рекламе, сувенирах и т. п. Поиск ответов на эти задачи приводит современного человека к возрождению и переосмыслению достаточного древнего искусства нанесения рисунка на ткань — набойки.

Печать на ткани с каждым днём становится все более популярной. Если ещё совсем недавно печатные или набивные ткани могли производить только в цехах больших текстильных комбинатов, то сейчас печать применяется как для изготовления единичных авторских, так и для малотиражных текстильных изделий. Ведь с помощью современных технологий любое изображение можно перенести на текстиль. Эволюция способов и материалов много поменяла, но главный принцип остаётся неизменным. Перенос рисунка на готовую тканевую поверхность в один или несколько слоёв остаётся похожим. Сначала это делалось при помощи печатной доски-манерки, потом — через сетчатый барабан на производстве, а сегодня можно создать декоративную ткань или штучное изделие новым печатным способом.

Современные универсальные краски и ручной способ изготовления сетчатого шаблона может позволить каждому желающему напечатать свой неповторимый рисунок на одном или нескольких текстильных предметах и быть уникальным.

Набойка, трафаретная печать, шелкография, сублимация и другие виды печати по ткани — это почти один вид декорирования тканей, отличающийся технологией переноса рисунка. Сейчас новые современные способы доступны и разнообразны. Фабричное производство тканей — неповоротливое

и медлительное — не решает потребности современного человека. Поэтому и авторские печатные ткани сегодня очень актуальны и востребованы. Но в погоне за быстроменяющейся модой не хотелось бы утратить традиции нашего регионального искусства декорирования тканей. Способ один — сохранять, учиться и создавать новое.

Из истории печатных тканей

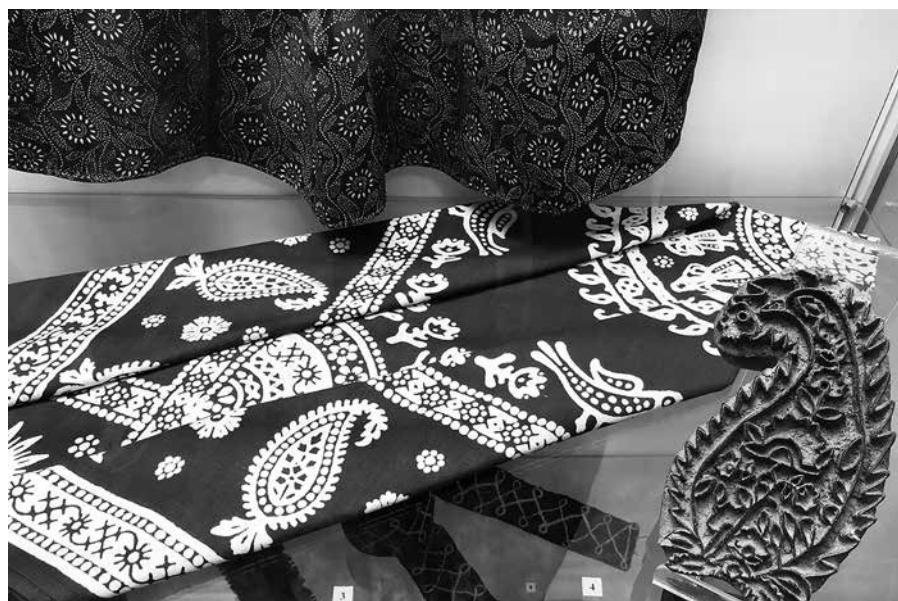
Искусство украшения ткани появилось в далёкой древности.

Набойка (набивка) — вид декоративно-прикладного искусства; ручной способ получения цветного узора на ткани при помощи рельефных форм, а также сама ткань с узором, полученным способом набойки. При выполнении набойки узор наносили на ткань с помощью специальных печатных досок — «манер», имеющих резной плоскорельефный рисунок. Их изготавливали из цельного куска твердой древесины (берёзы, клёна, груши). Доски имели квадратную или прямоугольную форму, реже — клиновидную. Обычный размер такой доски — 20 x 20 см. Толщина — 3–5 см.

Первоначально, как описывает Соболев Н. Н., узоры на ткани рисовались кистью от руки художниками, но

подобная работа, требовавшая опытных работников и отнимавшая много времени, была заменена трафаретом. При печати трафаретом, ткань тянулась и искажала формы рисунка. Неудобство это натолкнуло на изобретение деревянных форм, при употреблении которых рисунок получался на ткани без изменений и затёков. Деревянные формы устранили собою все неудобства трафаретов и положили основу ручной набойке, которая только в XIX столетии была заменена машинным производством, сохранив, впрочем, себе место в тех случаях, где машинное производство является неприемлемым, а также в кустарной промышленности среди одиночек-крестьян, работавших на этом поприще [3, с. 87].

Набойка на Руси известна с XIII века, и получила она своё название от процесса работы, когда по деревянной доске ударяли деревянным молотком для лучшего проникновения красителя в ткань. Наряду с резными манерами использовали доски с вбитыми в них гвоздиками, проволочками, поставленными на ребро пластинами металла. Печатную форму с такими элементами применяли для нанесения рисунка графического характера.

Фрагмент экспозиции выставки «Этноджинс. Костюмы разных народов».

Набойный штамп. Российский этнографический музей.

Из волокон льна и конопли получали пряжу, изготавливали ткани, а из семян – масло, которое использовали для получения красок. Важную роль в оформлении тканей играли красители. Долгое время все красители были натуральными (корень марены, индиго, сандаловое дерево, персидская груша, кора красильного дуба) и минеральными (охра, лазурит). Затем, в XIX веке, начали получать анилины из каменного угля, что способствовало изготовлению химических анилиновых красителей.

Сначала на Руси набивным делом занимались иконописцы-травщики. Но потом оно было освоено народными умельцами и широко распространилось в крестьянской среде [3, с. 16].

Для нанесения узора на ткань до конца XVII века применялась масляная краска. Натянутый на раме кусок сукна пропитывали краской и ровно расстилали по поверхности, покрытой чистым сукном. Доску с узором накладывали на полотно и били деревянным молотком для того, чтобы краска перешла на ткань. Операция повторялась, пока вся материя не покрывалась узорами.

Красильщики, или синильщики, владевшие небольшими мастерскими, занимались набивкой ткани и обеспечивали население окрестных деревень. В каждой мастерской был многометровый холст, образец с фрагментами узоров набивных досок, которые имеются у мастера. Этот холст назывался заказ-

ником, маренником или узорником. По узорнику принимали заказы на базарах. Мастера брали его с собой, когда отправлялись на заработки в другие губернии.

Узоры набойки в основном были геометрическими и состояли из точек, кругов, квадратов, звездочек. С помощью этих простых фигур разрабатывались растительные мотивы (листки, ягодки, веточки, лепестковые цветы и т. д.). Но на набойных тканях встречаются и более сложные изображения: всадник, птица Сирин, грифон, древо жизни. Искусные мастера могли составить даже целую сюжетную композицию, в которой были представлены несколько персонажей.

Вручную узоры на ткани набивали до XIX века, когда появились станки, ткани с рисунком стали изготавливать ещё и на фабриках.

Кустарный промысел набойки захирел, вытесняемый яркими и быстрыми производителями мануфактурной промышленности. Таким образом, почти повсеместно исчезло доморощенное ручное производство, имевшее многовековую историю, давшее широкую известность некоторым местностям России и оставившее нам в наследство интересные мотивы самобытного творчества русского народа, которое мы только что начинаем, наконец, серьёзно ценить и изучать по немногим образцам, счастливо уцелевшим до нашего времени.

На Урале искусство набойки, претерпев множество миграций по ходу заселения уральских земель, берёт своё начало на коми-пермяцкой земле. Поскольку именно в Пермском крае произошло соединение в набивном деле различных традиций, приёмов и орнаментальных форм. Наиболее распространенным сырьём для изготовления ткани на Урале были лён и шерсть. Выращивали также коноплю, которая шла на изготовление тканей тонкой выделки, шедших на производство одежды, полотенец и скатертей. Для окрашивания тканей использовали красящие свойства растений, а также местных глин.

У пермяков преобладало синильное производство, оно включало в себя окраску холстов, сукна, пряжи, шерсти и изготовление набойки. Название «синильное» пошло от того, что холсты чаще всего окрашивали в синий цвет различной интенсивности. По синему фону набивали жёлтым, зелёным, голубым и красным цветом. Набивка узоров производилась масляной краской с помощью набойных досок [1].

Из всех видов узорных тканей набойка – самая дешёвая. Набивные ткани были яркими, декоративными. Они заменяли крестьянам шёлк, бархат, атлас – дорогие привозные материи, которыми могли пользоваться лишь люди состоятельные.

В качестве верхней одежды уральские крестьяне зимой и летом носили однобортные кафтаны. В XIX – начале XX вв. русские женщины Среднего Урала носили сарафаны разных фасонов, которые сохранялись в каждой семье подолгу. Самым древним был глухой сарафан прямого покроя. Назывался такой сарафан «дубасом». Это название сохранилось с того времени, когда холсты окрашивали отваром коры дуба, ольхи, ивы, берёзы. Чаще всего «дубасы» шили из набивной ткани, окрашенной в синий цвет («по синему полю маленькие белые цветы»). Сарафан из набойного холста называли печатным. Орнамент обычно был растительным: цветки-розетки, цветочки и листочки на веточках, стебли с бутонами, кроме того применялись геометрические мотивы и солнечные розетки разных вариантов. Нередко использовалась сетка из мелких точек. На нарядных сарафанах по подолу шла кайма из крупных орнаментальных розеток, кустов, фигурок птиц и т. п. Ниже по

самому краю шел бордюры из орнаментальных мотивов. Набойка служила также украшением крестьянской мужской одежды (штаны, рубахи) и различных предметов домашнего быта (занавесок, скатертей) [7, с. 106].

Современные виды и способы печати по ткани

В производстве современных печатных тканей зачастую применяются новые передовые технологии, которые позволяют выполнять авторские ткани необходимым тиражом.

Термотрансфер или термоаппликация. Один из самых распространённых методов нанесения рисунка на ткань, выдерживающий кратковременное температурное воздействие. Термоаппликация – это печать с использованием промежуточного носителя, плёнки или бумаги. Вначале изображение наносится на промежуточный носитель, затем под термопрессом переносится на ткань. Процесс повторяется для каждого цвета при печати многоцветного изображения, но с понижением температуры воздействия и давления, чтобы избежать деформации и выгорания предыдущих нанесённых цветов. Перенос рисунка таким способом даёт быстрый результат, но единичный отпечаток нестойкий в эксплуатации.

Шелкографией называется один из видов трафаретной печати, в котором в качестве трафаретного материала используются металлические или капроновые сетки. Обычно пробельные элементы формируют непосредственно на сетке фотохимическим способом. Для изготовления печатной формы может быть использован как сухой плёночный фотослой (капиллярная плёнка), так и жидкая фотоэмульсия, высушиваемая на сетке после нанесения.

Плюсы шелкографии: низкая себестоимость изделий при больших тиражах; износостойкость; высокая скорость изготовления.

Минусы: сложная допечатная подготовка; высокая стоимость оснащения цеха и всего оборудования; сложности при нанесении на тёмные поверхности.

Ротационная печать сетчатыми шаблонами встречается только на крупных предприятиях текстильной промышленности. Этот способ печати основан на применении перфорированного цилиндра, выполняющего функции печатного вала. Раковый механизм изготовлен из стальных или

резиновых лезвий, расположенных внутри шаблона под определённым углом. Краситель под давлением подается насосом внутрь шаблона. Каждый шаблон наносит на ткань определённую часть рисунка одного цвета. На ротационных печатных машинах можно печатать различные материалы – от лёгких тканей из химических волокон до тяжёлых ковров, а также бумагу для термопечати. Особенно эффективны машины для печати небольших партий тканей с частой сменой рисунков.

Недостатками ротационных машин являются: высокая стоимость изготовления шаблонов, опасность образования затёков красок при остановке машины, ограничение количества цветов [8].

Сублимация используется только при работе с синтетикой (полиэстер не менее 50%). Чем менее натурален материал, тем лучше и ярче само изображение на конечном изделии. Твёрдая специальная краска в сублимационном принтере очень резко нагревается и становится газообразной. В результате такой возгонки краситель впивается в структуру ткани, создавая изображение, стойкое к стирке, ультрафиолету и воздействию температур.

Высокая износостойкость, низкая себестоимость изделий, лёгкость в уходе за изделием, яркость, сочность и насыщенность цветов привлекают внимание производителей, но печать только на синтетических материалах отталкивает потребителя.

Цифровая печать или прямая текстильная печать в отличие от ротационной или шелкографии проще в допечатной подготовке макета. Необходимо для печати изображение загружается в память принтера, обрабатывается графическим процессором самого принтера и показывает изображение на экране монитора таким, каким оно будет выглядеть на изделии. Рисунок получается чётким и детальным.

Так же есть ряд нюансов по постпечатной обработке изделия. Чернила необходимо высушить, чаще всего используют термопресс. Также, если использовать при печати чернила белого цвета (дисперсионные), необходимо нанести предварительно праймер (клеевую основу) на изделие. Из-за того, что чернила белого цвета содержат в себе диоксид титана, они тяжелее и могут попросту провалиться сквозь ткань.

Изображение таким способом возможно нанести на натуральные ткани, нет ограничений по разрешению изображения и цветам; печать крайне стойкая к стиркам, чернила фиксируются и становятся частью волокна; картинка не имеет осязаемого слоя, ее можно спокойно гладить утюгом.

Но медленная скорость печати значительно увеличивает стоимость одного оттиска, особенно с использованием чернил белого цвета.

Материалы и технологии современной ручной печати по ткани

Печать на ткани может выполняться не только машинным способом, но и вручную. Это позволяет применять печать по текстилю и в индивидуальном творчестве, сочетая её с различными текстильными техниками, авторскими находками и приёмами.

В изготовлении авторского текстильного изделия способом печати через сетчатый шаблон существует несколько этапов.

Первым и самым главным можно считать создание авторского рисунка для печати. Этап длительный и трудоёмкий с применением всех знаний по стилизации или декоративному изображению окружающего мира.

Графическое изображение объекта продуманно разбивается на несколько частей с возможностью тиражирования или применения выделенных частей в различных комбинациях. Каждая часть тщательно отрисовывается в деталях и переносится тонкими линиями на специальную сетку. Чаще всего для этого используют капрон. Он обладает упругостью, высокой прочностью и износостойкостью, что способствует многократному применению сетки в работе. Натягивание сетки на раму требует особой тщательности, она должна быть хорошо натянута, чтобы впоследствии не произошло искажения линейного рисунка и самого печатного изображения.

Процесс изготовления сеток не менее трудоёмок, требует точности и внимательности. Изображение в негативном отражении заливается нитролаком. На участки сетки, куда не должна попасть краска, наносился лак при помощи кистей. Такой лак должен обладать водостойкостью и упругостью и при правильности нанесения не должен пропускать жидкие водные краски.

Изготовление сетчатого шаблона.
Палантин по мотивам сказов Бажова.
Анзорова Элина,
практика 2 курс,
2019 год.

После полного высыхания лака производится пробная печать на ткани по изготовленным шаблонам с помощью резиновых ракелей разных размеров. Эти инструменты продавливают краску через сетку, обеспечивая лучшую проходимость и чёткий рисунок.

Для печати по различным тканям используются различные краски.

Наиболее прочным слоем на ткани ложатся современные акриловые краски. Но существует ряд недостатков в применении данных красок. Основным является жёсткость и непрозрачность ткани в местах нанесения красочного слоя.

Анилиновые красители, замешанные с клейким загустителем на основе крахмала или траганта, позволяют достичь эффектов и качеств приближенными к производственным условиям изготовления печатных тканей. Такое сочетание красителя и загустителя позволяет закрепить на ткани цвет запариванием, а, удалив с ткани загуститель, сохранить ткань прозрачной и пластичной. Но достаточно существенным недостатком является нестойкость красок в эксплуатации.

Широкий спектр современных зарубежных красок для росписи и печати по ткани. Возможности их использования обогащают палитру и поверхностные эффекты печати, но чаще всего это приводит к очень сильному удорожанию изделия.

В современных условиях можно выпускать малые серии текстильных изделий с различными тематическими рисунками, в том числе, и сувенирные. Основными насущными вопросами производства остаются прочность используемых красок и наличие авторского рисунка, который может разработать опытный художник, владеющий навыками стилизации и переработки реали-

стического изображения в декоративный вид, необходимый для нанесения на сетчатый шаблон, а затем на ткань. Это и является самой сложной задачей. Технологии печати появляются новые, передовые, а вопрос остается насущным – что печатать? Какой рисунок?

Рынок требует чего-то авторского, интересного, неповторимого. И одновременно прочного по окраске и красивого по колориту.

Декоративное искусство занимает удивительную нишу между ремеслом (питается народным, крестьянским искусством) и непосредственно самим искусством.

Учить надо всему, и мастерству изготовления любого вида декоративных тканей, и умению создания или проектирования рисунка, нового современного направления и стиля. Разрыв между мастером и художником всегда был и будет. Но, как мне кажется, мастер должен как минимум обладать вкусом,

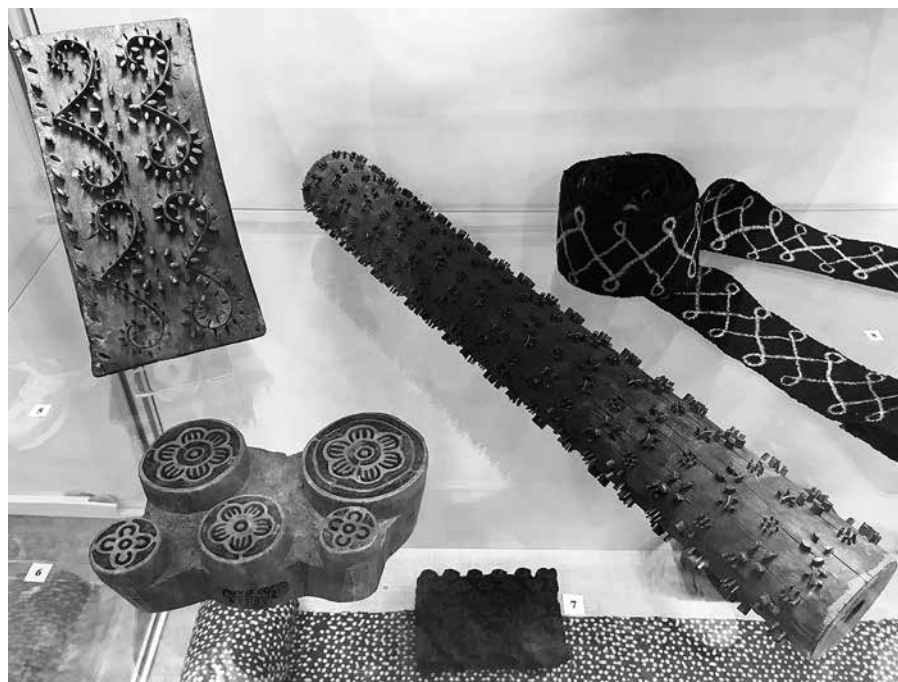
видеть колорит и ритм в своих изделиях, а художник иметь представление о способах изготовления и декорирования тканей. Иначе мастер останется просто мастером, а художник просто художником, уйдёт в станковое искусство и будет писать картины.

А кто же станет создавать новые текстильные, в том числе и сувенирные изделия по мотивам древнего ремесла с сюжетами о нашем крае и городе?

Список использованной литературы

1. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов Коми / Л. С. Грибова. – М.: Наука, 1980.
2. Миронова Т. Г. Набойки, работа со штампами и трафаретами // Искусство (приложение к журналу «Первое сентября». №1, 2014 г. – С. 52–55.
3. Соболев Н. Н. Набойка в России. История и способы работы/Н. Н. Соболев. – Москва, 1912.
4. Субботин-Пермяк П. И. Набойка Пермского края / Субботин-Пермяк, П. И. – 1922. – Вып. 1–4.
5. Таньшина З. И. Тканевая набойка // Юный художник. – 2009. № 7. – С. 46–48.
6. Уткин П. И., Королева Н. С. Народные художественные промыслы. – М.: «Высшая школа», 1991.
7. Храмцова Г. Б. Художественная печать по ткани. Учебное пособие. – Екатеринбург, 2012.
8. Шпицнер К. Печатание текстильных материалов (оборудование и способы печатания) / К. Шпицнер. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1984.

Набойные штампы, доска набойная.
Российский этнографический музей.

1

4

5

2

Работы студентов кафедры ДПИ ИИИ УрГАХУ

1. Касаткина Лилия. Курсовая работа, скатерть «Город Екатеринбург. Вознесенская горка». Лён, горячий батик, печать. 140х140см. Руководители Манерова Е. Ю., Базуева О. В.

2. Хорошева Анна. Монокомпозиция для футболки «Екатеринбург». Хлопок, печать. Руководитель Манерова Е. Ю.

3. Никифорова Ирина. Дипломная работа. Скатерть «Город Екатеринбург». Лён, печать. 140х140см.

Руководители Хабибуллина С. К., Базуева О. В.

4. Мельникова Юлия. Палантин по мотивам Златоустовского металла. Шёлк, свободная роспись, печать. 200х50 см.

Руководитель Манерова Е. Ю.

5. Васильева Анастасия. Палантин по Уральским мотивам. Шёлк, свободная роспись, печать. 200х50 см.

Руководитель Манерова Е. Ю.

6. Адушкина Екатерина. Курсовая работа. Скатерть «Город Екатеринбург. Прогулка по набережной». Лён, печать. 140х140см. Руководители Манерова Е. Ю., Базуева О. В.

3

6

«Там стояло в поле древо». 2007.

Многодетная «Воля».

Фото Сергея Баталова

«Мы этим не занимаемся, мы этим живём...»

Арина Волкова

Арина Волкова, участница семейной этно-студии «Приволье», одна из старших детей участников ансамбля «Воля», Первоуральск.

Публикация статьи появляется в преддверии четвертьвекового юбилея плодотворной творческой деятельности коллектива — семейного фольклорного ансамбля казачьей песни «Воля», Первоуральск (руководитель — Оксана Анатольевна Волкова).

Не счесть наград и достижений у коллектива: за эти годы семейный фольклорный ансамбль казачьей песни «Воля» удостоился почётного награждения — Гран-при областного этапа Всероссийского фольклорного фестиваля «Казачий Круг», 2012; I место в региональном этапе Всероссийского фольклорного конкурса «Казачий круг» в Екатеринбурге, 2013; Лауреаты IX Международного общественно-культурного форума «Живая традиция», Москва, 2014; победители III областного фестиваля-конкурса хоровой и вокальной музыки «Весенний благовест», Первоуральск, 2018; лауреаты I степени в номинации «Вокальное искусство» VI Межрегионального фестиваля казачьей культуры «Казачий Спас», Кумертау, Республика Башкортостан, 2020.

О каждом участнике ансамбля, о жизни, успешной деятельности и творческом начале можно сказать отдельно. Не случайно среди фольклористов бытует мнение, что фольклорный ансамбль — это ансамбль солистов. Но такова жизнь творческого коллектива — вместе они — сила! Всех их объединяет общее дело, общее понимание важности сохранения традиционной казачьей культуры и глубокий, очень личный подход к традиции.

Фото Е. А. Волоковых.

Кто задумывается в 13–14 лет о том, как сложится жизнь через 10, через 20 лет? Пожалуй, почти никто. В этом возрасте, скорее, живёшь по наитию: идёшь, куда позовут друзья, ищешь для себя интересы, желаешь как можно веселее провести время. Но именно в этот период очень важно найти что-то, что действительно станет опорой, отыскать путь, по которому пойдёт вся дальнейшая жизнь.

Один из таких путей свёл вместе несколько совершенно разных людей. В городе Первоуральске Свердловской области существует особое место, называемое Народный дом. Деревянный особняк, который в конце XX века был признан памятником архитектуры, и стал той базой, где выросло не одно поколение детей и молодёжи, изучающих традиционную народную культуру. Собирая в своих стенах людей различных интересов и профессий, этот дом объединил всех одной общей любовью

к фольклору русского народа. И вот к 1996 году образовались здесь четыре молодые семьи — Волоковых, Захаровы, Швецовы, Волковы — и решили создать коллектив, чтобы глубже осваивать какую-нибудь песенную традицию. Прежде всего, встал вопрос: что именно петь? Эта задача была решена, когда Наталия Александровна Волоковых, будучи родом из Магнитогорска, предложила изучать материал Челябинской области, с которым до этого была хорошо знакома. Идея нашла живой отклик. Поскольку данные территории когда-то входили в состав Оренбургского казачьего войска, таким образом, участники ансамбля стали заниматься исследованием традиционной казачьей культуры оренбуржцев. Вторым вопросом стал выбор названия для коллектива и более серьёзное изучение традиций. По воспоминаниям Наталии Александровны, само «имя» предложил отец Евгений Пестерев, близкий друг и духовный

наставник ансамбля. И как говорится, к душе легло...

Так появился Семейный фольклорный ансамбль казачьей песни «Воля».

И тут мне стало интересно, а какое значение вообще придают люди самому этому слову? «Следование своим жизненным принципам, отстаивание их», — отмечает Сергей Васильевич Саблин, один из нынешних участников коллектива. Другие ассоциируют его со словом «свобода», возможностью найти свой собственный путь, делать то, что нравится в жизни или умением преодолевать даже самого себя, свои слабости. Не зря говорят, что имя влияет на характер человека. Мне кажется, что название ансамбля также влияет и на дух тех, кто его составляет.

Занимаясь изучением казачьей культуры, эти люди не просто формально записывают и исполняют песни, но проживают жизнь, стараясь сохранить саму сущность казачества. Чтобы понять народную песню, раскрыть её красоту и суметь передать заложенные в ней чувства другим людям, необходимо не только правильно выучить мелодию и распределить голоса, но и знать где, когда и при каких обстоятельствах эта песня звучала в народе. А для установления такого «контекста» городским жителям приходится совершать особые исследовательские экспедиции по деревням. Именно поэтому участники ансамбля «Воля» за годы своего существования неоднократно осуществляли поездки по различным районам Челябинской и Оренбургской областей. Самый первый опыт был в 1997 году в составе группы Свердловского областного дома фольклора, существовавшего тогда в Екатеринбурге. В дальнейшем небольшой командой самостоятельно осуществ-

Первый концерт «Воли», февраль 1996 года.

вляли экспедиции в 2006–2007 годах в Нагайбакский и Карталинский районы Челябинской области. В 2013 и 2017 годах за новыми впечатлениями отправлялись уже не только взрослые, но и подросшие дети участников «Воли». В своих путешествиях по деревням Южного Урала, ансамбль перенял и свадебные обряды, и праздничные традиции, и образ жизни, и систему ценностей. Общение с живыми носителями культуры многие считают важной и незаменимой составляющей в процессе понимания и передачи традиций наших предков.

Как отмечают участники, по своей сути коллектив бытовой, то есть все ситуации, связанные с пением, празднованием каких-то событий, для этих людей не являются чем-то «экзотическим». Насколько возможно в условиях городской жизни, все стараются следовать духу казачества, соблюдать обряды и отмечать основные крупные праздники. Например, в 2018 году провели свадьбу в семье Захаровых с традиционным выкупом невесты, песнями и застольем. Каждый год ансамбль «Воля» с близкими друзьями и родственниками отмечает Рождество с обязательным вертепным представлением и народной драмой. На Масленицу организуются катания с горы и ритуальное сжигание чучела. На Пасху всегда развлекают гостей катанием яиц по желобку, а в Троицу «заплетанием» и «потоплением» берёзки. Кроме таких вот праздничных мероприятий, при участии «Воли» каждую неделю в Первоуральске проходят вечерки – традиционный вид досуга деревенской молодёжи – с весёлыми играми, танцами, кадрилями и песнями. С 2006 года по инициативе ансамбля в городе проводится Межрегиональный фестиваль традиционной казачьей культуры «Сторона моя, сторонушка». В 2020 году мероприятие должно было отметить свой пятнадцатый, юбилейный, год, но не состоялось в привычном формате из-за нестабильной эпидемиологической ситуации в мире и отсутствия должной финансовой поддержки.

Но даже спустя почти 25 лет существования коллектив сохраняет своё «семейное» основание. «Всё-таки «Воля» – не только ансамбль. Это ещё некая община, где многие вопросы, не касающиеся конкретно певческой практики, тоже решаются совместно», – считает Сергей Васильевич. Между собой здесь бытует шутка: «если не муж с женой, то кум с кумой или брат с сестрой». За годы совместной деятельно-

сти каждый успел стать крёстным или крёстной для детей других участников. К слову, многодетность в этой среде является специфической чертой: на пять семейных пар (в нынешнем составе) приходится 18 детей, а некоторые уже обзавелись и внуками. Рассуждая о том, что принёс в их жизнь ансамбль «Воля» и фольклор, многие отмечают, что это, прежде всего, крепкая семья, знакомство с близкими по духу и мировоззрению людьми. Для кого-то столкновение с традиционной культурой стало началом эмоционального и интеллектуального роста, возможностью избавиться от вредных привычек, получить развитие своих творческих способностей или исполнение «музыкальной мечты». Оксана Волкова размышляет: «Совместное пение, ансамблевое, когда чувствуешь друг друга – это и отдых, и расслабление, и зарядка одновременно. Ни с чем не сравнимое ощущение удовольствия от хорошего совместного пения, когда пространство вибрирует и звучит, отдаётся в тебе».

Если говорить о сегодняшней ситуации или дальнейших планах, то участники считают, что коллектив находится в некотором застое, «в режиме поддержания формы». Сказываются и возраст, и семейные заботы, и сам взгляд людей на жизнь. Кто-то просто наслаждается тем, что есть сейчас, получая удовольствие от красивых сюжетов и витиеватых мелодий песен, от фольклора «в быту». Но несомненно также, что ансамбль стремится и развиваться. Однако не в плане «концертности», а, скорее, в плане профессиональном. Приоритет-

ными направлениями развития участники видят расширение, обновление и увеличение сложности репертуара, запись аудио- или видеоматериалов для самих себя и будущих поколений, а также в стремлении передавать те знания и опыт, которые уже накоплены здесь. Так, например, в 2015 году была создана Семейная этно-студия «Приволье», в состав которой вошли старшие и средние дети ансамбля «Воля». Сейчас этно-студия имеет три возрастные группы – младшую, среднюю и старшую – но семейная атмосфера никуда не исчезает, потому что если мы родственники не по крови, то всегда по духу.

Таким образом, в «Воле» каждому нашлось своё место. Музыкальным руководителем коллектива стала Оксана Волкова как единственный человек с профессиональным музыкальным образованием. Трое мужчин в составе являются прекрасными музыкантами: Сергей Васильевич Саблин и Игорь Исаев – замечательные гармонисты, а Дмитрий Владимирович Захаров виртуозно владеет игрой на балалайке. Наталия Александровна Волоковых стала специалистом по народной хореографии и успешно обучает людей всех возрастов пляске и народным танцам.

«Фольклорной средой практически пропитана моя жизнь, давно потеряла эту границу...», – говорит Светлана Исаева. И действительно, здесь, с этими людьми, уже давно не чувствуешь, что народный быт, праздники, песни и традиции – это что-то отдельное от тебя. Ансамбль «Воля» не занимается традиционной культурой, он ею живёт...

«Потомки Данилы мастера»

Ольга Толстоброва

Ольга Анатольевна Толстоброва, искусствовед, член Союза художников России, член Союза журналистов России, заведующая Музеем декоративно-прикладного искусства Уральского филиала «МГХПА им. С. Г. Строганова», Нижний Тагил.

В октябре 2020 года в Невьянском государственном историко-архитектурном музее открылась выставка «Потомки Данилы мастера», организованная в рамках проекта Уральского федерального округа «Славим человека труда» в отрасли народных художественных промыслов, которая составила очередную экспозицию из цикла «Традиции и современность». Выставка объединила молодых художников Нижнего Тагила, работающих в области камнерезного и ювелирного искусства: Кирилла Гузенко, Артёма и Алёну Кравченко. Все они в недавнем прошлом – выпускники Уральского колледжа прикладного искусства и дизайна (филиала) ФГБОУ ВО «Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова», а сегодня уверенно продолжают себя в профессии. Творчество молодых мастеров наглядно продемонстрировало те основные задачи, которые десять лет тому назад составили основу регионального проекта и остаются актуальными в текущем году: «...привлекать в производственную сферу (включая традиционные промыслы и ремёсла) молодых людей с новым мышлением и показывать, какие замечательные, уникальные изделия делают на Урале».

На выставке представлены самостоятельные работы ребят, созданные ими вне стен образовательной организации и участия в процессе опытных преподавателей; у каждого читается свой стиль, свои тематические интересы, каждый старается сохранить в рукотворном замысле свою личность и собственный мир образов, что свидетельствует о серьёзных профессиональных устремлениях.

Так Кирилл Гузенко, окончивший Уральский филиал «МГХПА» ровно пять лет тому назад (2015) при всём многообразии своего творчества, широко охваченным экспозицией, особое внимание уделяет медальерному искусству, поэтому именно медали стали главным объектом авторского и зрительского внимания. Это как раз тот самый случай, когда в силу вступает и новое мышление, и новые формы, близкие и понятные молодому поколению, с которым художник

общается на одном языке. В большинстве медалей, равно как и ювелирных изделий, прослеживается конструктивность формы с преобладанием в ней геометрических объёмов, свободная комбинация различных материалов, лаконичный рисунок металла, подчёркивающий выразительность и природную красоту камня, а также интересные приёмы, создающие в конечном итоге оригинальный эстетический эффект. Но не только... Помимо пластической фантазии в каждом произведении присутствует и образное содержание, и определённое настроение, о чём с большим воодушевлением рассуждали юные художники, приглашённые на вернисаж из Детской художественной школы города Невьянска. Они с лёгкостью объясняли причудливую лепку медалей, робко сверяя взглядами с Кириллом Валерьевичем правильность своих впечатлений, а где-то наоборот, удивляли автора глубиной собственных мыслей и изобразительных ассоциаций, заставляя задуматься его самого. Оказывается, современные дети во многом видят мир иначе. И замечательно то, что пример молодых тагильских художников даёт им уверенность в будущей профориентации.

Кирилл Гузенко родился в Нижнем Тагиле, городе, чьи горные недра веками славятся знаменитыми самоцветами, удивительной природой и замечательными традициями. Ещё в школьные годы история с географией привели будущего художника в кружок камнерезного дела Городской станции юных туристов, где молодой человек занимался вплоть до самого поступления в колледж. Выбор учебного заведения во многом определился благодаря необычному увлечению и мудрому наставничеству педагогов дополнительного образования Армана Амангельдиевича Абубакирова и Анатолия Владимировича Петрова, прививших своему подопечному любовь к родному краю, пытливость ума, мужскую смелость, усердие и начальные навыки рудознания, имея которые можно покорить не одну вершину. Поэтому, когда в 2011 году Кирилл стал студентом декоративно-прикладного отделения специализации

«Художественный металл», он с первых учебных дней занял свойственную ему активную жизненную позицию: двигаться, преодолевать, достигать. Эти важные для человека качества Гузенко с большим воодушевлением сохраняет и в дне сегодняшнем. Молодой тагильчанин – постоянный участник всероссийских и международных экспозиций, городских и региональных выставок, профессиональных конкурсов, биеннале ювелирного искусства, ярмарок и фестивалей народных художественных промыслов Урала и России, он имеет авторские заказы и творческую студию. Для начинающего специалиста – это хороший задел! Но, как и в юношеские годы, каменный материал для своих изделий Кирилл Гузенко по-прежнему добывает сам, неустанно исследуя геологию уральских гор и старых рудников, где на отвалах ещё встречаются узорчатый малахит и редкие самоцветные породы. Одни из них служат поделочным сырьём, другие пополняют минералогическую коллекцию, образцы которой во главе с историческим символом – малахитом, представлены на всеобщее обозрение в музейных витринах. Любовь к уральскому камню, восхищение его уникальной природной красотой сподвигли молодого автора на изобразительные мотивы, ставшие оригинальным дополнением выставки «Потомки Данилы мастера».

Показательной в плане творческих дерзаний оказалась и та часть невянской экспозиции, которая принадлежит ювелиру Артёму Кравченко. Казалось бы, ещё не так давно в биографии участника было студенчество, в пору которого он, как и его предшественник, проявлял всестороннюю активность: изобретал, придумывал, творил, а после первой совместной выставки с известным уральским мастером А. С. Панфиловым, Артёма стали называть «Волшебником Изумрудного города». Согласитесь, что для творца двадцати лет от роду это не только лестно, но и гордо. Именно Панфилова – «певца» драгоценного зелёного камня изумруда, лауреата и кавалера престижных профессиональных премий и орденов, члена Союза дизайнеров России, за пле-

чами которого полувековой стаж в мире высокого искусства, Артём Кравченко считает своим духовным наставником, благодаря которому он сформировался как художник, верный родной стороне. Сам Анатолий Степанович говорит, что «...сразу увидел в глазах паренька «Хозяюку Медной горы» и очень надеется, что его молодой друг посвятит Уралу немало замечательных ювелирных произведений, воспевающих его красоту, размах и легенды в камне и металле.

Но ещё, конечно, детство. Недавно говорят искусствоведы: «...если хочешь познать художника, загляни в его детство», ведь многое закладывается как раз в эту дивную счастливую пору. Особенно, если ты родился в заповедном краю – старинном уральском посёлке Висим, где небо, лес и горы – настоящая живая сказка, а быть и небыть дружно соседствуют друг с другом. Оказаться без впечатлений в такой удивительной среде просто невозможно. Рука берётся за карандаш, в ход идут краски, глина, причудливые камешки, железки, богатая детская фантазия, и маленький человек, увлечённый созидательным процессом, становится волшебником. Всё это с ранних лет посчастливилось пережить Артёму, юная душа которого тянулась к искусству, а детское увлечение со временем превратилось в профессию. Юноша решил посвятить себя ювелирному делу. Уже на первом курсе колледжа, когда большинство студентов ещё только осваивается в новом социуме, у Артёма Кравченко состоялся успешный дебют на городской выставке молодых художников в Нижнетагиль-

ском музее изобразительных искусств. Начальный опыт положительно изменил отношение начинающего автора к учёбе, укрепил творческую самостоятельность, а главное, стал наглядным примером собственных возможностей. Двери в мир искусства были открыты, культурные события последовали одно за другим: Екатеринбург, Москва, Калининград, Санкт-Петербург, и всюду в качестве сподвижников тагильского паренька окружали ведущие мастера декоративно-прикладного искусства большой страны. А на юбилейной выставке «Сокровища России», состоявшейся в столичном Государственном геологическом музее им. В. И. Вернадского в 2017 году, персональную часть экспозиции молодого уральца удостоила вниманием Ольга Николаевна Куликовская-Романова – супруга родного племянника русского царя Николая II.

Уральская тема живёт в работах Артёма Кравченко, определяя его творческое кредо, а лучшие традиции ювелирного искусства являются тем «оселком», на котором оттачивается мастерство.

Среди мужского состава древнего ювелирного ремесла всегда были женщины, чей утончённый взгляд на мир привносил в этот вид искусства особую таинственность. Трио молодых тагильских потомков Даниила мастера гармонично дополняет Алёна Кравченко, в студенческую бытность – Фуртикова. Под этой фамилией в 2017 году девушка защитила поистине мужской дипломный проект – «Древнерусский шлем», соединивший в себе самые сложные

техники ручной обработки металла, поступила на художественно-графический факультет Нижнетагильского социально-педагогического института и начала трудовую деятельность преподавателя скульптуры в Детской художественной школе № 2 города Нижнего Тагила. Брак с бывшим однокашником Артёмом Кравченко подарил обоим прекрасный семейный и творческий союз, наполненный взаимопониманием, поддержкой и совместным трудом.

И, несмотря на то, что педагогика поглотила Алёну «с головой», занятия ювелирным делом она не оставляет. В ослепительном блеске софитов, освещающих витрину с изделиями супруга, звёздным сиянием мерцает её мельхиоровое ожерелье «Льдинки», несколько лет тому назад показанное на III Всероссийском конкурсе авторского ювелирного и камнерезного искусства в Калининграде. Это одна из ранних работ Алёны Кравченко, но уже в ней проявились упорство и изобретательность, собственные художественные интонации и магическая притягательность.

Выставка пользуется большим интересом у зрителей, сотрудники музея с удовольствием водят по ней экскурсии и выразили желание продлить художественный смотр «Потомков...» до конца рождественских каникул 2021 года.

И всё это потому, что наши герои молоды и талантливы, у них позитивный взгляд на мир, серьёзные творческие планы и огромное трудолюбие, а это уже часть успеха и большие надежды!

А. С. Панфилов
и Артём Кравченко.

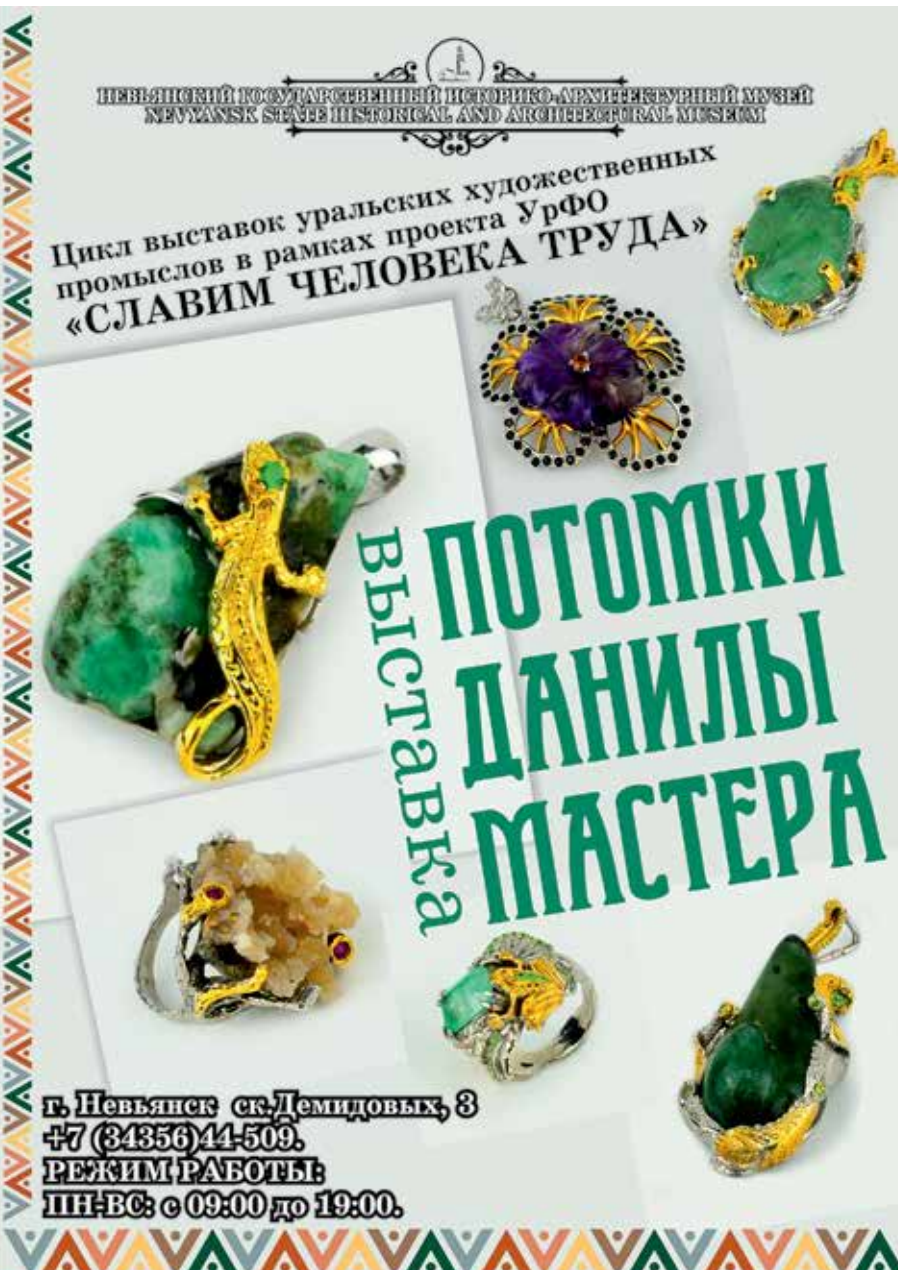
НЕВЬЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
NEVYANSK STATE HISTORICAL AND ARCHITECTURAL MUSEUM

Цикл выставок уральских художественных промыслов в рамках проекта УрФО
«СЛАВИМ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА»

**ПОТОМКИ
ДАНИЛЫ
МАСТЕРА**

Выставка

г. Невьянск ск. Демидовых, 3
+7 (34356) 44-509.
РЕЖИМ РАБОТЫ:
ПН-ВС: с 09:00 до 19:00.

Гузенко Кирилл.
Колье «Уральская весна»
(фрагмент).
Уральский филиал МГХПА
им. С.Г. Строганова,
Нижний Тагил.

Кольцо «Бинарное». Дымчатый кварц,
берилл, демантоиды, серебро.

Подвеска «Лесная».
Изумруд, демантоид, серебро.

Кольцо «Цветочный вальс».
Изумруд, демантоид, серебро.

Ювелирный гарнитур «Древесница».
Изумруд, александрит, серебро.

Ювелирный гарнитур «Бамбук».
Цитрин, мельхиор.

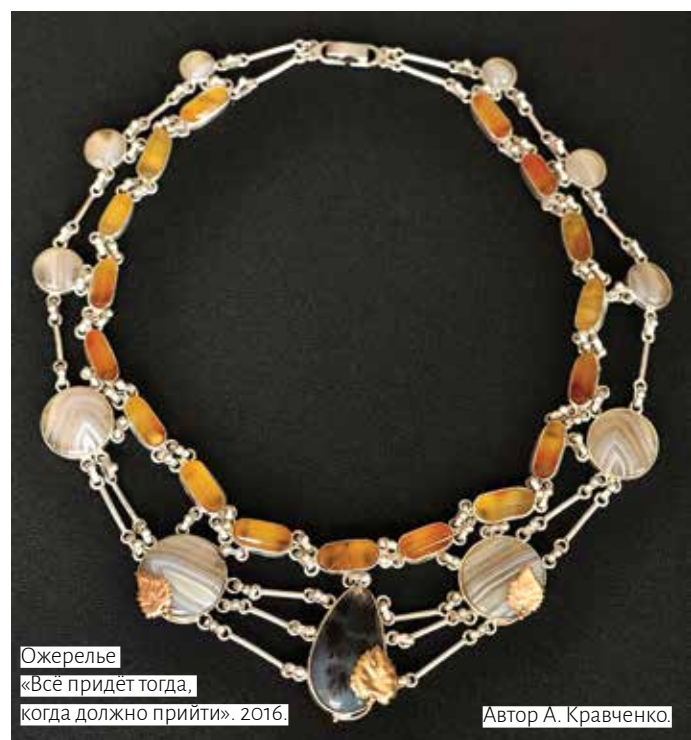
Участники выставки.

Кольцо «Чёрное солнце».
Халцедон, серебро.

Кольцо «Цветение».
Изумруд,
демантоид,
серебро.

Ожерелье
«Все придёт тогда,
когда должно прийти». 2016.

Автор А. Кравченко.

Браслет. Автор К. Гузенко.

Шлем «Древнерусский»,
фрагмент.
Автор А. Фуртикова.
2017.

Гарнитур.
Автор К. Гузенко.

О кустарной промышленности

Предлагаем вашему вниманию архивный материал о кустарных промыслах Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Материал содержит подробнейший перечень кустарных промыслов с видами изделий в каждом из них и описание одного из промыслов в деревне Верхние Таволги Быньговской волости (ныне — д. В. Таволги Невьянского района Свердловской области). В той подробности в описании деталей кустарных промыслов видится большое внимание к этой теме. Надеемся, что этот интересный и полный этнографический материал послужит отправной точкой для изучения и осмысления бытующих до настоящего времени промыслов и ремесел. Очерк был размещен в «Екатеринбургской неделе», 1882 г., № 17, с. 255–257. В публикации сохранены написание и пунктуация автора.

Материал подготовлен к печати С. Н. Кучевасовой. Фото из частной коллекции Н. А. Щекотова, Нижний Тагил.

Площадь Екатеринбургского уезда определяется в 24,974 кв. в. (верст). В уезде крестьян обоого пола считается 287,798 души, из которых 157186 душ приходится на горнозаводские волости.

Почва в Екатеринбургском уезде не везде удобна для хлебопашества и не везде одинаково хорошо вознаграждает труды земледельца. Там, где земля плодородна — в северо-восточной части и южной — крестьянин исключительно занимается хлебопашеством, пашня его стихия, она его кормит, она же дает ему средство для уплаты повинностей. Но там, где земли мало или где земля весьма скудна вознаграждает труды пахаря, или совсем ничего не родит, — крестьянин изыскивает средство, для поддержания своего существования, в посторонних заработках, вне земледелия. А сколько в нашем уезде насчитается неплодородных или совсем, так сказать, голодных уголков! Как и откуда жители таких уголков получают средство к существованию?

При скудной производительности почвы население уезда не может прокормиться своим хлебом до новой молотбы.

Из доклада Екатеринбургской земской управы «по народному продовольствию», XI очередному собранию мы узнаем, что, по числу населения (не принимая в расчет прокорм скота), видится недостаток: ржи 31568 четв., ячменя 28,137 четв., овса 19520 четв., пшеницы 184,084 четв., других ... хлебов 68,190 четв., а всего 331,499 четвертей. Такого количества хлеба не доставало населению Екат. уезда для удовлетворения нужд, в 1880-й год, в такой год, в который урожай хлебов был хороший. Следовательно, жители нашего уезда, не обезпечиваемые своим хлебом, вынуждены заниматься каким-нибудь ремеслом, какой-нибудь промышленностью. Средства к существованию и уплате повинностей население находит в кустарной промышленности.

Что же такое кустарная промышленность, и какие ремесла относятся к этой промышленности? Разъяснение настоящего вопроса мы найдем в «Своде материалов по кустарной промышленности в России, составленном по поручению Императорского Русского Географического Общества». В этом своде мы читаем: «Везде, где почва в России не дает достаточных средств на прокормление крестьянской семьи в уплату лежащих на крестьянина платежей и повинностей, посторонний промысел является неизбежным условием крестьянского хозяйства. Часть населения ищет заработка вдали от семьи и родины и занимается отхожими промыслами; другая часть населения сидит дома и занимается ремеслом в кругу семьи. Свободное от сельских работ время — длинные зимы заставляют искать постоянные заработки. Таким образом возникает сельская ремесленность, как принадлежность сельского быта, почти совершенно независимая от городской ремесленности и от

фабричной производительности. Предназначенная сначала для удовлетворения местных нужд сельского населения, ремесленность эта скоро приобрела значение самостоятельной формы производительности, так называемой, кустарной промышленности. Кустари не случайные работники; кустарный труд постоянен и требует подготовки; он представляет что-то в род организации. Как бы ни работал кустар: на себя, на фабрику или частного предпринимателя, на артель, он держится известных приемов, известного рынка, известных преданий. Масса кустарной работы громадна, кустари существуют сотнями тысяч, производят на десятки миллионов рублей, но вот и все, что о них знают. Отделы кустарной промышленности заключаются в следующем:

- 1) Кожевенный промысел: выделка кож, замши, лайки.
- 2) Шорный промысел: сбруя и принадлежности ее из кожи.
- 3) Мелкие кожевенные изделия: обувь, рукавицы, перчатки, кошельки, лѣстовки.
- 4) Скорняжный промысел: выделка овчин и вообще мехов; шитье тулупов, шуб, полушубков;
- 5) Войлок и войлочные изделия: выделка шляп, обуви, подхомутинов, кошем, ковров, потников, половиков.
- 6) Шерстяное производство: пряжание волн, сукно, шерстяные и полушерстяные ткани, кушаки.
- 7) Шелк: размотка его, шелковые и полушелковые ткани.
- 8) Кость и рог: их обработка и изделия из них, гребни всякие.
- 9) Волос, его обработка и изделия из него: щетина, нитки, кисти, сита и волосные решета.
- 10) Выделка свеч сальных и восковых.
- 11) Телѣжный промысел: телѣги, повозки, тарантасы, кошевы, сани, салазки, полозья, оглобли, дуги, колеса, клещи для хомутов.
- 12) Бондарный промысел: бочки, кадки, ульи, ведра, коромысла, обручи.
- 13) Деревянные изделия: грабли, лопаты, станки, верстаки, сошники, бороны, молотилки, вѣялки, мялки, чесалки, прялки, берда, прядильные гребни, вьюхи, ткацкие станки.
- 14) Столярные и плотничные изделия: мебель всякого рода, сундуки, оконные рамы, зыбки.
- 15) Деревянная посуда: ложки, чашки, корыта, лукошки, солонки.
- 16) Мелкие подѣлки и дѣтские игрушки из дерева: табакерки, кружки, солонки, катушки, цѣвки, шпули, костяшки, щеты, челноки, чубуки, мундштуки, подсвѣчники, шкатулки, рамки, фонари, клѣтки, веретена, балясы, колодки, поплавки, трости и т. п. рѣзные и токарные изделия; дѣтские игрушки разного рода.
- 17) Музыкальные инструменты: гармоники, гитары, балалайки.
- 18) Корзиночные и метелочные изделия: предметы из луба, прутьев, корней; корзины, лукошки, кузова, плетни, кошельки, плетенки для мебели, вѣники, метелки.

19) Издѣлія из лыка и коры: лапти, мочала, рогожи, кули, мочальныя веревки, рѣшота, коробы.

20) Соломенныя издѣлія: плетеніе соломенных шляпъ, корзинъ, половиковъ, ковриковъ.

21) Льняная пряжа и ткани: пряденіе и сученіе нитокъ, суровецъ, серпанка, холсты, полотенца, столовое бѣлье.

22) Пеньковыя издѣлія: веревки, канаты, веревочныя половики, кошель, обувь; пряжа и пеньково-ткацкія издѣлія, сѣти, невода, тенета.

Изделия тагильских кустареи, экспонировавшие на кустарной выставке 1908 года.
 Фото из частной коллекции Н. А. Щекотова, Нижний Тагил.

23) Хлопчато-бумажная ткань: миткаль, ситцы, платки. Камка.
 24) Окраска тканей: крашение, набивка разных тканей.
 25) Гончарное производство: посуда разного рода; игрушки из глины.

26) Стеклое производство: шлифовка и гранение стекла, бусы, стеклярус, обдѣлывание зеркалец, градусники.
 27) Обдѣлка камня: бруски, точила, жернова, надгробные памятники, мозаики, рѣзьба на камнѣ, мелкія вещи изъ камня.
 28) Кузнечныя издѣлія: скребницы, подковы, гвозди, ухваты,

заслонки, кочерги, кофейно-мельничные жерновки, сковородки, выюшки, обручи, ложки, ковши, чугуны, котлы, цѣпи, оси и др. желѣзные принадлежности къ экипажамъ.

29) Ножевой товаръ: ножи, вилки, ножницы, бритвы.

30) Замочный и скобяной товаръ: замки (внутренніе и висячіе), скобы, задвижки, петли, втулки, крючья, винты.

31) Проволочныя ткани и иголочныя издѣлія: рыболовныя крючки, булавки, иголки, шпильки.

32) Земледѣльческія орудія: сошники, лемехи, бороны, лопаты, вилы, заступы, кирки, косы, серпы.

33) Огнестрѣльное и холодное оружіе, части его и дробь.

34) Плотничные, слесарные и столярные инструменты: топоры, долота, напильники, клещи, молотки, скобели, подпилки, дорожки, отвертки и вообще инструменты, служащие для обработки металла и дерева; коромысла для вѣсовъ, циркули, металлическіе бедра.

35) Домашняя утварь из разныхъ металловъ: самовары, чайники, лампы, лампы, фонари, подносы, подсвѣчники, удила, стремена, кольца, колокольчики, кастрюли, дѣтскія игрушки, песочницы, ведра, кружки.

36) Мелкія галантерейныя издѣлія: ризы на образа, чернь, образки, крестики. Кольца, перстни, пряжки, серги, цѣпочки, оправы для очковъ, пуговицы, наперстки, запонки.

37) Портняжный промыселъ: шитье армяковъ, кафтановъ, рубахъ, портовъ, картузовъ, шерстяныхъ рукавицъ, мѣшковъ.

38) Иконопись: малярничанье, золочение, иконопись; лубочныя образа и картины.

39) Вышиванье всякаго рода.

40) Вязанныя и плетенныя издѣлія: чулки, платки, шали, шарфы, ковры, кушаки.

41) Кружева всякаго рода.

Читателямъ «Екатеринбургской Недѣли» небезвѣстно, что при земской управѣ Екат-ской существует санитарно-статистическое бюро, в программу котораго (бюро) входитъ вопросъ и о кустарной промышленности: спрашивается: какъ собирать точныя свѣдѣнія о кустаряхъ нашего уѣзда? Волостныя правленія в этомъ дѣлѣ, въ доставленіи статистическихъ свѣдѣній, немного помогутъ. Бывшій предсѣдатель пошехонской земской управы рекомендуетъ такую мѣру: назначить премію за лучшія сочиненія по этой отрасли народной экономіи, чтобы привлечь много людей к занятію этимъ интереснымъ (?) дѣломъ. Не имѣя ничего против этой меры, мы полагаемъ однако, что в рукахъ земства найдутся однако болѣе сподручныя мѣры. Во-1-хъ, среди земства немало найдется людей, которые близко стоятъ к народной жизни и потому при любой охотѣ, безъ малѣйшаго труда могутъ собрать свѣдѣнія о кустаряхъ своего района. Во-2-хъ, земство всегда можетъ найти из своей среды людей, которые охотно займутся собираніемъ нужныхъ статистическихъ свѣдѣній в уѣздѣ, лично, особенно при матеріальной поддержкѣ с его стороны. Наконецъ, важную помощь в этомъ дѣлѣ могутъ оказать наставники сельскихъ школъ.

Мы, по мѣрѣ возможности, будемъ говорить о нѣкоторыхъ «кустахъ» нашего уѣзда, памятуя при этомъ слѣдующее: «Будемъ давать то, что имѣемъ, и так, какъ имѣемъ».

На этотъ разъ скажемъ об овчинномъ производствѣ деревни Верхнихъ Тавалогъ Быньговской волости.

Деревня эта расположена по обѣимъ сторонамъ рѣчки Тавалогъ, берущей начало в верстахъ 12 от селенія. Дворовъ считается в Тавалгахъ сто: жителей мужскаго пола около 230 душъ. Вокругъ деревни, въ поскотинѣ, довольно боль-

шой сосновый лѣсъ, не раздѣленный между тавалжанами на дѣлянки. Безъ общаго согласія однопоселенцевъ никто не смеетъ срубить ни одной лѣсины. Человѣка три-четыре занимаются хлѣбопашествомъ – сѣютъ преимущественно рожь. Есть питейное заведеніе, школы нѣтъ. Всѣ тавалжане – старообрядцы, живутъ, повидимому, исправно. Но что замѣчательно, такъ это то, что всѣ тавалжане – народъ здоровый, рослый и красивый. Шесть домохозяевъ имѣютъ маслобойныя заведенія, а масса исключительно занимается овчиннымъ производствомъ. По свѣдѣніямъ волостнаго правленія, въ Тавалгахъ значится 10 овчинныхъ заведеній, между тѣмъ прошлаго года мнѣ пришлось осмотрѣть в теченіе дня 17 заведеній и довольно еще осталось неосмотрѣнныхъ.

Выдѣлка овчины – дѣло нехитрое и несложное. Производство это заключаетъ в себѣ два отдѣльных предмета: собственно скорняжное, собственно, выдѣлку овчинъ в дубленые меха, и портняжное, т. н. шитье из дубленыхъ овчинъ шубъ, полушубковъ, перчатокъ и рукавицъ. Выдѣлка овчинъ производится у зажиточныхъ в особу для этого устроенныхъ довольно большихъ и высокыхъ избахъ, у бѣдныхъ же – в тѣхъ же избахъ, въ которыхъ они сами живутъ.

Овчины-сырые тавалжане покупаютъ преимущественно в Ирбитѣ во время ярмарки и в Крестахъ, на Ивановской ярмарке. Овчины и полушубки шьютъ, по большей части, мужчины, рукавицы и перчатки – женщины. В день одна работница сошьетъ 10 пар рукавицъ, а перчатокъ может сшить только 4 пары. За шитье пар рукавицъ платятъ 2 коп., а за пару перчатокъ 4 коп. Хорошій швецъ въ день сошьетъ полушубокъ; плата 20–22 коп. За шитье тулупа платятъ 25 коп.; в день тулупъ не сшить. Хлѣбъ хозяйскій. Тулупы, полушубки, рукавицы и перчатки сбываютъ в Екатеринбургѣ, Алапаевскѣ, Невьянскѣ, Нижнемъ-Тагилѣ и на Крестовской ярмаркѣ. Из шести овчинъ выходитъ тулупъ, изъ 3½ выходитъ полушубокъ, а из ста овчинъ выходитъ 300 рукавицъ. Нѣкоторые же говорятъ, что из тысячи овчинъ можно сшить 80 тулуповъ, 40 полушубковъ, 800 паръ рукавицъ и 400 паръ перчатокъ. Всего в Тавалгахъ было выдѣлано в 1880 году: 18 штукъ пальто, 415 тулуповъ, 1185 полушубковъ и 6990 рукавицъ, на сумму 8 622 р. По нашему мнѣнію, выдѣлывается гораздо больше.

Тавалжанинъ занят круглый годъ: в Февралѣ, Мартѣ и Апрельѣ выдѣлываютъ овчины изъ мѣха, лѣтомъ шьютъ, а с Октября каждое Воскресенье увидишь въ Невьянскѣ, въ «Шубныхъ рядахъ» таваложскихъ: здѣсь они торгуютъ своими тулупами.

Скорняжное производство состоитъ в слѣдующемъ. В теченіе сутокъ овчины вымачиваются въ водѣ; вымоченныя кладутъ в квасильный чанъ, въ «квасы». Въ «квасахъ» овчины лежатъ недѣлю и больше. В чанъ кладется около 60 овчинъ. «Квасы» состоятъ из воды кипяченной, «ясной» муки и соли. На ведро воды соли полагается фунтъ. Вынутыя овчины изъ «квасовъ» сушатся или въ избахъ на шестахъ или во дворѣ, если благопріятствуетъ погода. Если овчина жирна, то намазываютъ ее глиной разъ пять или десять. Сушенныя – мнутъ желѣзнымъ крюкомъ и скоблятъ, так называемой, «австрійской» косой, съ прибавленіемъ алебаstra; затемъ уже начинаютъ дубить. Хлѣба, соли и коры на выделку одной овчины выходитъ на 4 коп.

Вот какимъ «кустарничествомъ» тавалжане поддерживаютъ свое матеріальное благосостояніе.

Н. Смородинцовъ.

Альбом-каталог «Народное искусство Урала»

Светлана Кучевасова

Представляем вашему вниманию новое издание Центра традиционной народной культуры Среднего Урала: «Народное искусство Урала», альбом-каталог этнографических коллекций фонда материальной культуры ЦТНК СУ. Целью настоящего издания является описание фондовых коллекций Центра, собранных несколькими поколениями фольклористов и этнографов в течение тридцати пяти лет в фольклорно-этнографических экспедициях на Урале и в других регионах России. Выходу издания предшествовала многолетняя работа по сбору, описанию, систематизации предметов быта, народной одежды, народного декоративно-прикладного искусства этнических групп и этносов.

Фонд предметов материальной культуры (ПМК) государственного автономного учреждения культуры Свердловской области «Центр традиционной народной культуры Среднего Урала» хранит богатейшие этнографические коллекции, которые являются важнейшим источником для изучения материальной и духовной культуры народов, проживающих на Урале.

Весь фонд делится на коллекции, исходным критерием в которых является материал, из которого сделан предмет: текстиль, керамика, дерево, металл, кожа. Наиболее полно представлена коллекция текстиля: одежда, предметы убранства жилища. Материал, техника, конструкция, оформление этих вещей демонстрируют характерные особенности уральского костюма, уральской вышивки и ткачества. Самые ранние предметы, хранящиеся в коллекции, датируются концом XIX века (это архаичные детали ткацких станков с характерным декором, прялки, несколько предметов одежды). Преобладающая датировка хранящихся в фонде предметов — первая половина XX века. В каждом разделе размещена вводная статья об особенностях изготовления, основных материалах и декоративных техниках особенностях развития этого вида народного искусства на Урале. Научное описание каждого предмета включает в себя такие параметры, как название предмета одежды на русском языке и языке представляемого этноса; датировку изготовления предмета; состав материалов и сведения о технике изготовления; описание предмета (крой, декоративные элементы, особенности обработки ткани), утилитарное и обрядовое предназначение; основные размеры; сохранность предмета.

Представленные в издании артефакты материальной культуры народов Урала неоднократно экспонировались в рамках этнографических выставок Свердловского областного дома фольклора и Центра традиционной народной культуры Среднего Урала, служат иллюстративным материалом для научных статей и каталогов этнографических выставок, но в таком объеме и в составе каталога фондовых коллекций публикуются впервые.

Надеемся, что альбом-каталог будет интересен как специалистам — этнографам, историкам, музейным сотрудникам, фольклористам, исследователям и реконструкторам традиционного костюма, мастерам народных художественных промыслов и традиционных ремесел, педагогам, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в достоверной информации и интересующихся этнокультурной историей Уральского региона.

Удмуртский праздничный женский традиционный костюм.
Закамские удмурты, Татышлинский район Республики Башкортостан.

Фрагмент обряда в исполнении фольклорного ансамбля «Сорока»,
рук. М. Н. Роготнева, Ижевск, Удмуртская Республика.

Удмуртские женский головной убор и женское нагрудное украшение с монетами, закамские удмурты
(хранится в удмуртской семье, Сысерть Свердловской области).
Куклы в традиционных удмуртских костюмах. Национальный Центр Декоративно-прикладного
искусства и ремёсел, Ижевск, Удмуртская Республика.

Удмуртский текстиль, ткачество. Национальный Центр Декоративно-прикладного искусства и ремёсел, Ижевск, Удмуртская Республика.

Календарно-обрядовые праздники удмуртов

Марина Ягуткина

В 2020 году торжественно отмечается 100-летие государственности Удмуртской Республики.

Удмурты (удморт, утморт самоназвание), вотяки (общепринятое устаревшее русское название). Удмурты говорят на удмуртском языке; диалекты: северный, южный, бесермянский и срединные говоры). Одно из самых ранних упоминаний о южных удмуртах встречается у арабских авторов (XII в.) Общий собирательный этноним на протяжении долгого времени: пермские финны. Самоназвание «удморт» впервые опубликовано Н. П. Рычковым в 1770 г.

С середины XVI века во время массовой христианизации в России, в целях сохранения своих верований, удмурты переселялись на башкирские земли. Постепенно происходило разделение удмуртов на северных и южных, развитие двух этих групп протекало в различных этноисторических условиях, что сказалось на своеобразии каждой из групп: у южных удмуртов ощущается тюркское влияние (в языке, особенностях музыкального фольклора, costume), у северных — русское.

На территории современной Свердловской области поселения удмуртов находились на юго-западе. В XVII веке на землях современного Красноуфимского района формируется небольшая группа удмуртов: красноуфимские удмурты (Красноуфимский уезд Пермской губернии).

Этнографическая группа красноуфимских удмуртов сформировалась и развивалась во взаимодействии с культурами соседних народов: русских, татар, башкир, марийцев, что определило специфику традиционной культуры данной местности, но вследствие ассимиляционных процессов в иноэтническом окружении, испытывая длительное этнокультурное воздействие со стороны соседей, удмуртская группа населения утратила свою этническую самоидентификацию. Остаются предания об удмуртском населении сёл Красноуфимского района (с. Ср. Бугалыш и др.). Но к настоящему времени удмуртская группа почти полностью растворилась в среде марийского населения.

Также на территории Свердловской области исследователями отмечается наличие удмуртского населения в Каменском и Сысертском районах, но это миграции современного времени, связанные с индустриализацией края. Активный приток удмуртов с башкирских земель наблюдался особенно в 1970-е годы, когда интенсивно стала развиваться промышленность.

В настоящее время в Свердловской области проживает около 18 тыс. удмуртов, значительную часть которых составляют переселенцы — закамские удмурты Республики Башкортостан.

Предлагаем вашему вниманию статью, посвящённую традиционной народной культуре удмуртов. Её автор — Марина Шарифьяновна Ягуткина, которая на протяжении многих лет была председателем Свердловской региональной общественной организации «Удмуртское национально-культурное общество «Эгес» в Екатеринбурге.

Фото Н. М. Ролиной, С. Н. Кучевасовой, Н. С. Саврас, В. Кулакова.

Календарные обряды и праздники удмуртов возникли и сложились под влиянием основных видов хозяйственной деятельности: охоты, рыболовства (позднее животноводства) и, прежде всего земледелия, сложно переплетаясь с магическими действиями, молитвенными и песенными заклинаниями и табу на какие-либо действия.

Все работы, связанные с земледелием, носили сезонный характер. Г. Е. Верещагин выделил и подробно описал три основных цикла сезонных занятий удмуртов: весенне-летние, осенние, зимние. Периодичность и повторяемость занятий отражены и в удмуртских названиях некоторых месяцев года: июль — *турнан толзъ* (месяц косьбы), август — *жэг кизён* (месяц сеяния ржи), сентябрь — *ю пыртон* (сбор зерна, урожая). Весенне-летние обряды и праздники удмуртов связаны с подготовкой к земледельческим работам, испрашиванием благословения на их проведение. В основе осенне-зимних праздников лежит благодарение в честь собранного урожая и семейно-родовые мероприятия.

В начале ноября (раньше в праздничные дни, 6–7 ноября), в честь завершения земледельческого года и заготовки запасов мяса удмурты проводят благодарственный обряд моления *Му кылчину* (Богу земли). В пятницу с утра выпекаются блины (*табани*), и варится каша (*жук*) из нового зерна. Старейший из рода, главный хранитель верования выходит молиться *Му кылчину*, благодарит за хороший урожай и просит здоровья и благополучия семье. В этот день запрещается прясть, вязать, стираться и мыть полы. Вечером приглашаются ближайшие родственники из деревни на кашу «жук сион». Традиционно каша готовится на мясном бульоне, из новой пшеничной и ржаной крупы, которую мололи вручную вплоть до 1970-х годов. После каши отдельно подаётся мясо, *виртырем* (домашняя кровяная колбаса). Не менее важным обрядовым блюдом является мясо гуся. В первую очередь угощают детей освящённой кашей и блинами, только следом за стол усаживаются взрослые. Вино или *аракы* в этом случае исключается.

Дети после праздничного угощения выходят во двор, резвятся, а взрослые ведут разговоры, советуются, воспомина-

ют. В завершение праздника хозяева тоже получают приглашение от родственников на «жук сион» и так, пока всех родственников не обойдут. Этот праздник необходимо провести до «*Сйзыл кисьтон*» (Осенних поминок).

После благодарения *Му Кылчина* одним из важных и выразительных обрядов считается обряд поминовения умерших предков — «*Сйзыл кисьтон*». Поминальные обряды удмуртов можно разделить на общественные (родовые) и семейные. Семейные обряды проводятся каждый четверг. В этот день с утра пекут *табани* (блины), *перепечи* (ватрушки из пресного теста), вечером топят баню и моются в ней, перечисляя самых близких умерших по имени, после бани в кругу семьи пьют чай с выпечкой, снова перечисляют предков и недавно умерших. Общественные поминки проводятся два раза в год: весной и осенью (*тулыс кисьтон*, *сйзыл кисьтон*), и на это мероприятие собираются все родственники.

В. Е. Владыкин в книге «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов» отмечает: «Куль семейно-родовых святынь удмуртов, иначе говоря, верования, связанные с *воршудами*, имели связь с материнской родовой организацией. Каждый *воршуд* имел свое имя: *Чабья*, *Тукля*, *Пельга* и т. д. Таких *воршудных* имён насчитывали до 70 — это имена родоначальниц». Более стойко, нежели культ семейно-родовых святынь, сохраняется культ предков.

Куль предков проявляется, главным образом, в похоронно-поминальном обрядовом комплексе. Он свойственен сравнительно поздней стадии исторического развития — стадии патриархально-родового строя. Видно, поэтому нас всегда наказывали называть сначала умерших родственников мужского пола, только затем женского.

«Куль почитания предков — это поклонение умершим прародителям и сородичам, вера в то, что умершие предки покровительствуют живым сородичам-потомкам, и умиловительные обряды, устраиваемые в честь их членами рода или семьи. По смерти человек получает большую силу и власть над людьми: он может наслать болезни и беды. Чтобы избавиться от напастей, удмурт время от времени кормит умерших и за-

дабривает их». Все исследователи отмечают очень большой вес культа предков в религиозных представлениях удмуртов: «Уважение к памяти умерших родителей или родственников у вотяков развито в сильной степени». «Нет мало-мальски выходящего из обыденной жизни предприятия, по случаю которого вотьяк не считал бы нужным задобрить умерших предков».

«Красной нитью через всю жизнь вотьяка проходит его трепет по отношению к обитателям загробного мира».

О том, какое значение для удмуртов имел культ предков, говорит сказка о *Кайване*, *Ондра-батыре* и *Завьяле*, записанная Верещагиным. *Батыры* (богатыри) клянутся друг другу в верности. *Завьял* (русский) клянётся богом, а *Кайван* и *Ондра-батыр* (удмурты) клянутся отцами и дедами умершими.

«Действительно, для удмуртов не было клятвы сильнее, чем их умершими предками, которых они очень боялись, сильно почитали и всячески умоливали. Именно патриархально-родовой строй определил эту связь — связь этих категорий — дух умершего и почитаемый предок. Этот патриархальный авторитет имел неограниченную власть родо- и домовладыки, порождающая в младших сородичах страх и почитание. Вот так складывались образы могущественных и благодетельных духов, которые покровительствуют своим сородичам, но за это требуют их почитания и всяческого умоливания».

В своей жизни и особенно, в её важные моменты удмурты практически ничего не предпринимали, не посовествовавшись со своими умершими сородичами, предками, будь то свадьба или проводы в армию, забота об урожае или поездка в гости.

«Так, перед дальней дорогой садились за стол, на край стола ставили угощение и рюмку вина — *пересь аракы* (вино стариков). Все пригубляли и передавали по кругу «вино стариков», просили у предков доброго пути и содействия в возвращении домой живыми и невредимыми. Последним до дна вино выпивал самый старейший член семьи, приговаривая: «*пресьёслэн зёчазы ульськом-ай, кызыы соосыз буре уд вайы*» (добром стариков ведь мы живы, как же их не поминать). За оклицей или напротив кладбища бросали кусочки выпечки, хлеба. Молодых людей, уходивших на чужбину, в рекрутчину или в армию, раньше обязательно приводили на кладбище, чтоб просить у предков счастливого возвращения домой».

Умоливательные поминальные обряды начинались фактически с момента наступления смерти. Как отмечает профессор С. А. Токарев, умерших обычно подразделяют на три группы: последний умерший и недавно умершие — они являются предметом усердного культа, умершие прежде и давно умершие. Обряд поминовения проводили вечером. Ходили по домам родственников, поминая всех умерших предков (называя, кого помнили по имени), просили здоровья, благополучия, содействия и помощи во всех своих делах.

Закамские удмурты Башкортостана и Куединского района Пермского края до сих пор чтят традиции предков. Вечером, в день поминок, топят баню, как бы приглашая умерших помыться. Накрывают стол и приглашают гостей. Традиционно на угощение готовят суп из петуха («*пось шыд*»). Петух олицетворяет связь с потусторонним миром. По представлениям удмуртов, эта птица «*берлань йабья*» (буквально: «назад гребёт»), поэтому петуха или курицу приносили в жертву только умершим.

Кроме «*пось шыда*» выставляют национальную выпечку — *табани* (блины), шаньги, пирог с рыбой, *перепечи* (ватрушки с начинкой из мяса, картошки).

На предпечье ставят чашу, корытце, куда кладут еду, наливают *аракы* (самогон) — это для покойного, и всех просят

угощаться. То, что кормление умерших совершается у печки, является доказательством того, что именно домашний очаг является сосредоточием культа предков. Хозяйка угощает родственников и просит угоститься на дорогу и своих «гостей», чтоб до следующих поминок быть им сытыми. После этого она подметает пол и просит всех «прибывших» на поминки предков выйти из дома. Старшие родственники выходят провожать умерших. После проводов заходят обратно в дом, и все отпивают глоток *аракы* из *сюмыка* (ритуальная деревянная чаша). При этом говорят: «Они сказали «спасибо» и ушли». Кусочки пищи, пожертвованные умершим, из корытца выносят собакам.

По представлениям удмуртов, у человека две души: *лул* — душа живого человека и *урт* — душа умершего, его двойник. Считали и считают, что последняя может превратиться в летучую мышь («*урткыч*») или в ночную бабочку («*урт бубыли*»), поэтому этим бабочкам стараются не причинять вреда.

Я с умилением вспоминаю, как моя бабушка ненароком напоминала нам о дедушке, погибшем в Великой Отечественной войне, указывая на ночных бабочек, которые попадали в избу: «Вот ваш дедушка вернулся!» И мы верили в это, с интересом разглядывали их и выпускали на улицу, чтобы он смог вернуться к себе в «дом». Он жил рядом с нами, он был невидим, но мы всегда знали, что он с нами.

«Уважающий себя удмурт должен был помнить свой род до седьмого колена. Считалось позором, если сородич не мог хотя бы каждого назвать по имени или рассказать в двух словах о его жизни.

У удмуртов носителем культа предков уже издавна и по настоящее время является семья. Возможно, этим в какой-то степени и объясняется живучесть этой формы религиозных представлений: ведь часто явления, относящиеся семейному быту, сохраняются очень долго, не изменяя своего вида или лишь незначительно изменяя его, в то время как другие религиозные верования, относящиеся к другим формам общественной организации, которые более подвижны и изменчивы по сравнению с семьей, соответственно быстрее и трансформируются».

Обрядовый праздник «*Сйзыл кисьтон*» (осенние поминки) сохраняется в Свердловской области в семьях, представляющих этнос закамских (южных) удмуртов. Праздник проводится осенью, после сбора урожаев, обычно после 7 ноября до середины декабря. Этот культ нацелен на программирование крепкой семьи, на воспитание добропорядочного подрастающего поколения. Зная хотя бы до седьмого колена своих предков, каждому хотелось бы гордиться своими корнями («*йыжы-выжыосын*»).

В статье использованы материалы опросов жительницы д. Алтаево Бураевского района Республики Башкортостан Галихановой Мингавар, главного хранителя традиционных обрядовых молений д. Алтаево Галиханова Анатолия, уроженца д. Верхний Гондырь Куединского района Пермского края, Рахимзянова Рината и собственное исследование, участие на подобных мероприятиях.

¹ Богомолова З. А. Удмурты. — Москва: «Голос-Пресс», 2005. — с. 94.

² Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск: изд. «Удмуртия», 1994. — 383 с.

³ [Островский 1873: 39].

⁴ [Смирнов 1890: 189].

⁵ [Богавский 1890: 15].

⁶ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск: изд. «Удмуртия», 1994. — с. 152.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Там же. С. 153.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ЦЕНТР ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕГО УРАЛА